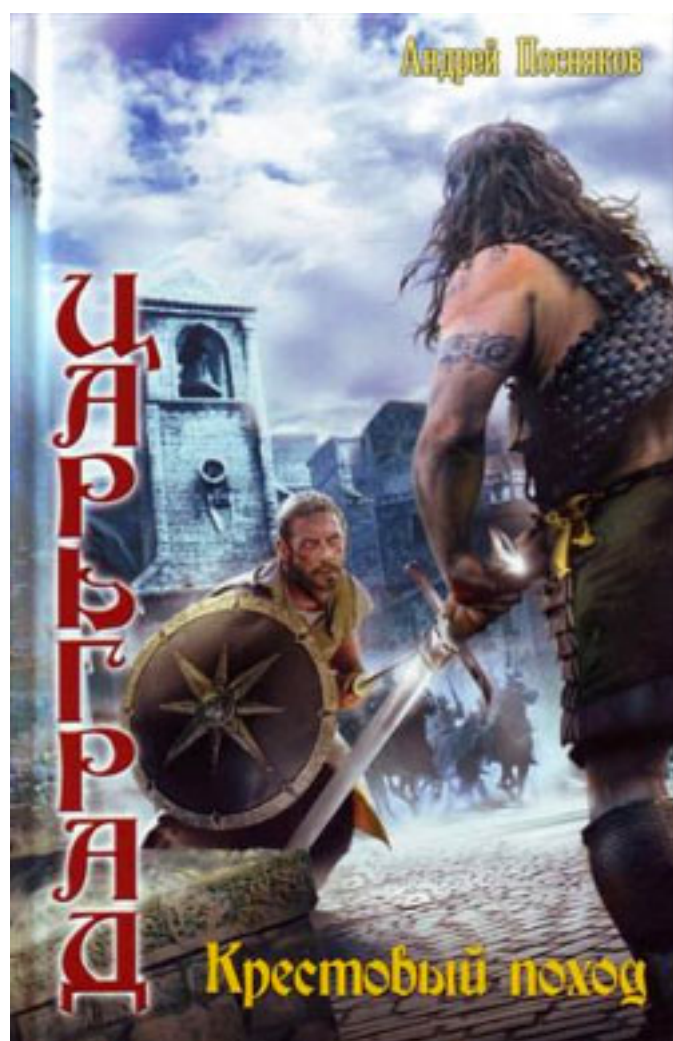

Андрей Посняков
Крестовый поход
Серия «Царьград», книга 3

Текст предоставлен издательством «Лениздат»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179817
Крестовый поход: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0262-3

Аннотация

40-е годы XV века. Турецкий ятаган завис над всей южной Европой! Уже пали Сербия и Болгария, под пятой турок оказалась и почти вся Византия, некогда могущественная империя ромеев, ныне погрязшая в воровстве, коррупции и внутренних дрязгах.

Кажется, что великий Константинополь-Царьград ожидает скорая гибель... вот-вот, сейчас... Одна надежда – на крестовый поход, объявленный против турок римским папой Евгением Четвертым. Сделать все для того, чтобы крестоносцы, поскорее попав в Румелию – бывшую Болгарию, ставшую турецкой провинцией – вот задача, порученная старшему тавуллярию сыскного ведомства Алексею, нашему современнику, злым выкрутасом времени заброшенному в далекое прошлое. Ему удалось стать в Константинополе своим, обрести друзей и любимую... Однако завистники, враги и интриганы становятся на его пути, и теперь неясно, кто друг? А кто – враг и предатель?

И не на кого надеяться, кроме как на Господа Бога, себя и друзей. И на маленький талисман с изображением кудрявого Зевса.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	38
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Посняков

Крестовый поход

Глава 1

Весна 1443 г. Константинополь. Напарник

*Что ж медлите! Проснитесь!
Без споров, без вражды
Друг друга выручайте
От общей всем беды!*

Константин Ригас
«Военный гимн».

Они подходили долго, мучительно долго, у Алексея уже заболела спина. Устал, устал лежать в кустах за полуразрушенным портиком бывшего дворца Паргалиона, когда-то – прекраснейшего здания, а ныне, за последние два века, обсыпавшегося, осевшего, разрушенного.

– Вон, вон, садятся! – пошевелившись, прошептал на ухо Панкратий – такой же молодой парень, как и Алексей, Лекса – напарник. По другую сторону портика хоронился Иоанн, третий – высокий, русоволосый, с задорной кудрявой бородкою. Интересно, ему тоже было неудобно лежать? Или, может, он и не лежал вовсе, а давно уже уселся на какой-нибудь камень, кусты-то в той стороне погуще.

Панкратий радостно потер руки:

– Ну, уж теперь-то возьмем, теперь-то они от нас никуда не денутся!

Лешка – Лекса – усмехнулся, шепнул:

– Не говори «гоп»...

И сам до боли в глазах всмотрелся в только что подошедших к заброшенному дворцу мужчин. Их было трое – двое молодых здоровяков, сильных, уверенных в себе, парней... пожалуй, даже слишком уверенных... самоуверенных – так уж куда лучше сказать. особого опасения они, кстати, не вызывали – Алексей видал и не таких. Вполне предсказуемые ребятки. И с ними третий... Постарше других невысокого росточка, неприметный, лысоватый, с редкой рыжеватой бородкой... Держится скромно, даже уселся чуть в стороне от парней, а потом, как начало смеркаться, так и вообще встал, неспешно прохаживаясь вдоль портика. Ну, ясно – этот так, настреме.

Кивнув на сего субъекта, Алексей скосил глаза на Панкратия. Тот лишь пожал плечами – ну, напрочь незнакомый тип, ни разу пока не встреченный.

Да уж, много их было таких в этой шайке – не встреченных... Правда, кое-что знали.

Кто же это такой? Пигмалион Красный Палец? Нет, тот, кажется, здоровяк, да и помоложе. Адам Волчья Пасть? Так того, говорят, недавно зарезали в какой-то пьяной драке. Кераксион Младенец? А вот это – может быть... Интересно, почему прозвище такое – «Младенец»? Говорят, он весь седой уже, а лицо почти без морщин, розовое, нежное, как у младенца.

Впрочем, это все люди в определенных кругах известные – станут они стоять на стреме, как же! Скорей, сами кого хочешь, поставят. А этот лысоватый, скорее всего, просто пешка. Верно, они взяли его в каком-нибудь нищем братстве, арендовали на вечерок – можно так сказать. Или – пожилой – пусть даже на третьих-четвертых ролях – тоже входит в шайку? Ладно, не долго уже осталось, узнаем.

Стараясь не шуметь, Алексей сменил позу:

– Темнеет. Однако, где же ювелир?

– Придет, – сглотнув набежавшую слюну, прошептал напарник. – Раз уж они ему, наконец, назначили встречу... О! Слышишь?

И в самом деле, где-то неподалеку послышался стук копыт. Миг – и на заросшей акациями аллее, ведущей к заброшенному дворцу Паргалион появилась двуколка, запряженная парой гнедых. Судя по облупленной коляске – двуколка не своя, нанятая.

Сидевшие на покосившейся мраморной скамье парни, вальяжно поднявшись, махнули руками – иди, мол.

Вылезший из двуколки человек в скромном серовато-палевом платье – высокий, чернобородый, сутулый – выглядел каким-то испуганным, бледным, его вытянутое, осунувшееся лицо с тонкими чертами напоминало икону. Игнатий Волар, хозяин ювелирной мастерской у Амастридского форума. Аргиропрат, как их здесь называли. Молодец, явился таки, не струсил! Хотя – боится, боится – видно по всему. Ну, что же ты встал? Иди же!

Расплатившись с возницей, аргиропрат Игнатий Волар неуверенной походкой направился к парням. На плече он нес тяжелую – это было сразу заметно – матерчатую суму. ... Деньги. И не мало – сто золотых иперпипов – месячный доход мастерской. Да, лихзодеи попросили нехилую дань. И это – только разовый взнос. Игнатий, как умный человек, хорошо все понимал – потому, подумав, и обратился за помощью в ведомство епарха. Ну и что из того, что Герасима Кривого Рта при одном своем упоминании заставляла дорожать обывателей от Амастридской площади до церкви Апостолов? Шаек в граде Константина имелось множество – и что, каждой платить? Так никаких денег не напасешься и вообще, можно закрывать мастерскую!

Возчик тронул поводья, осторожно разворачивая повозку... Черт, куда делся тот не приметный субъект? Ага, вот он... Вышел из-за акации. Остановился. Что-то сказал вознице, наверное, прогонял. Да, так и есть: кивнув, возчик подогнал лошадей и двуколка, подпрыгивая на ухабах, быстро покатила прочь.

Ювелир оглянулся, затравленно так оглянулся, испуганно – нет, все же он был не храбрец, этот аргиропрат Игнатий Волар, хотя и хватило смелости заявить... Хотя, тут, скорее не смелость – тут прижимистость и хорошо понятное возмущение.

Ну, что ж ты! Что ж ты так ищуще шаришь глазами вокруг? Ведь договаривались же... Если бандиты не дураки... Впрочем, хорошо, что уже темнеет.

Лешка напрягся, нащупывая руками небольшой арбалет – оружие, запрещенное еще лет триста назад особым указом базилевса. Ну, это так, на всякий случай. Вообще-то сейчас все должно обойтись гладко – недаром столько готовились.

А ювелир уже подошел к парням, что-то сказал, протягивая мешок...

Они ведь должны пересчитать, должны, неужели, поверят на слово? Нет, обязательно пересчитают, обязательно... Вот, тогда и брать!

Алексей закусил губу – ну, давайте же!

Ага! Есть! Послышалось звяканье – золото высыпали прямо в песок. Вот теперь – пора!

Еле слышный свист. И все трое – Алексей, Панкратий, Иоанн – стремительно выбрались на аллею: Лешка вытащил государственный знак – золоченую бляху с двуглавым орлом, поднял над головою повыше, спрятав заряженный арбалет за спину.

– Именем императора Иоанна!

Все трое – в ярко начищенных доспехах, не в панцирях – попробуй, полежи в них в засаде – в легких кольчугах, в орленых панцирях другие – стражники – пора бы уже и им подойти.

Лешка набрал в грудь побольше воздуха, крикнул:

– Всем стоять!

Так, что было слышно на весь заброшенный парк.

Ага! И стражники, наконец, появились – услышали. Во-он бегут, гремят амуницией...

Разбойники тоже не спали – тут же вскочили на ноги. Один из парней, выхватив нож, бросился на ювелира... Лешка чуть задержался, вскидывая арбалет... Прицелился в руку... Ввухх!!! Словно пружина, с шумом расправилась стальная тетива, и вытолкнутая ею стрела пробила бандиту грудь.

Выронив нож в траву, тот захрипел и повалился прямо в объятия вскрикнувшему от ужаса аргиропрату.

Второй здоровяк бросился было бежать, за ним погнались Панкратий с Иоанном. Нагнали и завязалась драка. Разбойник, как видно, оказался ученым – резко остановившись, выкинул вперед правую руку, ударяв в скулу бегущего Иоанна. Затем, ногой, пнул второго – Панкратия – развернулся... Эх, уйдет, уйдет!

Бросив бесполезный арбалет, Алексей со всех ног бросился в погоню, чувствуя позади тяжелый топот стражников. Ну, наконец-то, сообразили... Нет, чтоб заранее рассредоточиться по всему парку, теперь бы уж точно не пришлось бегать. Хотя, конечно, кто же знал, в каком именно месте разбойники назначат встречу?

Быстрее, быстрее... Вон он, мчится к старой базилике. Там, есть где укрыться: затеявшись среди деревьев, рвануть к площади Быка, раствориться в темноте городских улиц. Ночная стража? А что беглецу до нее? Откупиться либо вообще не будет бежать улицами – мало ли даже здесь, почтив центре, развалин? Не старые времена, когда град Константина был действительно великой столицей, нет, все давно уже изменилось, император стал вассалом турецкого султана, а многочисленные, прежде великолепные, дворцы и храмы разрушались, воочию являя собою закат Ромейской империи.

Врешь, не уйдешь!

– Стой, гад!

Бандит обернулся – дурак – и, слава Богу, споткнулся, зацепившись ногой за какой-то корень. Нет, не упал, тут же выпрямился, но потерял скорость – и для Лешки этого было достаточно. Сходу налетев на разбойника, тот схватил его за руку, заломил... Черт! Тонкая туника беглеца разорвалась, расползлась по всем швам, а тело оказалось мокрым от пота. И скользким. Бандит легко вывернулся и изо всех сил засадил Лешке под ребра. Хорошо – кулаком, не ножом и не кастетом. Но и так, что сказать, приятного мало.

Выпучив глаза, Алексей широко распахнул рот, словно вытащенная на берег рыба. Но следующий удар не пропустил, подставил руку, и ударил сам – прижатыми к ладони пальцами, словно «медвежьей лапой». Ударил в шею – разбойник сразу обмяк, растянулся в траве. А к базилике уже побегали стражи.

– Как там, не сбег?

Поднимаясь на ноги, Лешка устало вытер со лба пот:

– Не сбег. Вяжите!

Ввухх!

Что-то свистнуло, никто в первый момент даже и не понял – что. Только вот лежащий в траве бандит дернулся... Вскрикнул...

Что? Что такое?

Лешка уже с ужасом осознал – что. Осознал, да поздно – в ярком свете луны было хорошо видно, как на груди беглеца растекалась темно-красная лужица – кровь.

Выстрел оказался удачен: короткая арбалетная стрела пробила бандита насквозь, до половины уйдя в землю – это увидели, когда стражники перевернули быстро коченеющее тело. А Лешка узнал об этом потом – быстро сообразив, что к чему, он, петляя, словно заяц – мало ли, стрелявший уже успел перезарядить арбалет – бросился к темнеющей громаде базилики.

Висевшая за плечами луна освещала путь. Листья кустарников и деревьев в свете ее казались серебряными. Под ногами серебрилась трава и какие-то камни. Вот, меж акациями – тропка. Ведет к провалу... К провалу в стене.

Молодой человек без колебаний нырнул в темноту и замер, чувствуя, как гулко бьется сердце. С минуту он сидел в тишине... И вдруг услышал шорох. Там, наверху. Лешка поднял глаза – кто-то шумно замахал крыльями. Тьфу-ты... Летучие мыши.

Что-то скрипнуло. Нет, не наверху, а где-то у противоположной стены. Показалось? Да нет. Кто-то явно пробирался осторожными шажками. Ну да – сейчас выскользнет на площадь – и ищи.

Вот, впереди промелькнула тень...

– Стой! – Алексей бросился на звук шагов... И растянулся на холодном полу, споткнувшись о какую-то балку. Черт, больно как! У-у-у... Юноша тут же вскочил... Услышал, как громко скрипнула дверь... Побежал... Выбежал...

Над узкой площадью спокойно сияла луна, отбрасывая длинные тени платанов. И никого. И тишина. Нет, кажется, послышался стук копыт... Вот пропал... И лишь где-то недалеко, на постоялом дворе, закричал осел. Осел... Осел-то ты, господин Алексей Пафлагон, больше никто! Что и сказать – провалил давно задуманную операцию.

Поругав себя, Лешка сплюнул наземь и, повернувшись, угрюмо зашагал обратно к базилике. А куда еще-то?

Слава Богу, хоть все оказались целыми. Напарники – Панкратий и Иоанн отделались синяками, а ювелир Игнатий Волар – легким испугом. Впрочем, все понимали, что все это – только начало больших неприятностей. Ювелиру бандиты могли отомстить, а парней ждал страшный разнос начальства и, может быть, увольнение.

– Вы б все же уехали на время к родственникам, – взглянув на бледного аргиропрата, устало посоветовал Алексей. – У вас же есть, в Морее, кажется.

– Да, – еле слышно отозвался ювелир. – Я уже отослал туда семью.

– Правильно сделали.

Игнатий Волар вздохнул:

– Теперь, видно, придется продавать мастерскую.

Негромко переговариваясь, стражники забирали трупы. Проектором горела луна.

– Продавать мастерскую?! – начальник сыскного секрета городской епархии протокуратор Филимон Гротас был страшен в гневе. Щеки его пылали, глаза источали молнии а вислые усы топорщились словно копья. – А с чего это, дорогие мои, уважаемый господин Волар должен закрывать производство? С того, что государство – вы! – не может его защитить от каких-то там вонючих разбойников? А, между прочим, уважаемый господин аргиропрат честно платит налоги и является лояльнейшим подданным базилевса! И что взамен? Что, я вас спрашиваю?

Все трое парней сконфуженно потупились. Да они и вообще пока не поднимали глаз.

– А взамен – потерянная мастерская, разлука с семьей и – очень моет быть – разбойничья месть! – продолжил разнос начальник. – И что прикажете делать несчастному ювелиру и таким, как он? – Филимон язвительно прищурил левый глаз. – Податься к туркам? Уж те-то сумеют его защитить. А вы... Вы хуже турецких лазутчиков! Благодаря вашему разгильдяйству не только пострадал конкретный человек, обратившийся к нам за помощью, между прочим. Нет, дело куда хуже, чем вам, может быть, представляется. Этот Игнатий Волар, он ведь не сам по себе существует – у него имеются и родственники, и работники, и друзья – и все они сегодня... нет, вчера ночью – потеряли веру в устои нашей власти! Это что же выходит – разбойники сильнее базилевса?! А? Я вас спрашиваю! Что молчите?

Парни молчали. А что говорить-то? Лопухнулись с ювелиром, чего уж...

Прокуратор Филимон Гротас смерил всю троицу презрительно-гневным взглядом и, заложив руки за спину, заходил по кабинету. Парни украдкой переглянулись – это хождение было хорошим признаком, похоже, праведный гнев постепенно покидал начальство.

– Ну, вот что, – Филимон, наконец, остановился, бросил недовольный взгляд на приоткрытую дверь. – Вот что я вам имею сказать... Ты, Иоанн, – начальник упер палец в грудь светловолосого парня с кудрявой бородкой и большим синяком, расплывшимся на левой половине лица. – Красавец, что и сказать. Работать можешь?

– Могу, господин Гротас!

– У тебя там что по последнему заявлению... кража свиньи, кажется?

– Да-да, свиньи. Там такая ситуация...

– Меня твоя ситуация не волнует! – снова взвился начальник. – Какую печать регистратор повесил на заявление?

– Зеленую.

– Сколько дней срок?

– Неделя, господин Гро...

– А у тебя сколько прошло?

– Пять дней.

– Пять дней?! Так что же ты тут стоишь?! Марш работать! И чтоб к завтрашнему дню эту свинью нашел! Нашел и передал владельцу! Марш!

Вытянувшись, Иоанн кивнул начальству и поспешно покинул кабинет.

– Теперь ты, – подкручивая усы, Филимон строго посмотрел на Панкратия. – Как там с нападением на зеленщика?

– Так это мальчишки пошутили, господин прокуратор, я уже с ним поговорил...

– Поговорил? А, между прочим, зеленщик недоволен остался! Иди теперь с ним говори, чтобы не написал жалобу епарху! Марш!

Панкратий тоже ушел, правда, успев незаметно подмигнуть Лешке. Ободряюще так подмигнул – мол, держись. И вышел, прикрыв за собою дверь.

Проводив его взглядом, начальник устало махнул рукой оставшемуся в одиночестве Алексею:

– Садись, что маячишь?

Лешка поспешно сел.

– Ну, что скажешь? – Филимон впери в него тяжелый взгляд.

– А что сказать – виноват, – поджал плечами юноша. И в самом деле, что тут еще скажешь?

– Это я виноват, не ребята, – продолжал Лешка. – Я же был старшим...

Прокуратор неожиданно хохотнул:

– Запомни, Алексей – виноватятся одни дураки. Умные люди – не бьют себя кулаком в грудь, а как можно быстрее исправляют допущенные ошибки.

– Так я... Так я и готов...

– А для того, чтобы эти ошибки исправить, их нужно сначала найти, – Филимон резко вскинул голову. – Кто стрелял?

– Старик... Ну, тот, неприметный тип лет сорока...

– «Неприметный тип» – язвительно передразнил начальник. – Чем это он таким неприметен? Кераксион Младенец, кстати, тоже прекрасный стрелок... был... Теперь уж года три, как не ходит – ноги отнялись. Ладно, о стрелке потом. То, что ты выстрелил первым – правильно. Иначе б плохо пришлось ювелиру.

– Я целился в руку, – вскинулся Лешка. – Но, увы... Там темновато было.

– Ты и попал, куда целился, – начальник вдруг понизил голос. – В руку. А вот – другие стрелы...

Подняв лежащий на столе пергаментный лист, он кивнул на лежащие под ним металлические стрелки. Три. Две совершенно одинаковые и одна, слева, немного другого вида.

– Та, что слева – твоя, – пояснил Филимон.

Мог бы и не пояснять. И так ясно – того, что бросился с ножом на ювелира, тоже застрелил тот неприметный тип. Как же они его проворонили?!

– Неприметный, говоришь? – начальник задумчиво постучал по столу костяшками пальцев. – Ну-ка, еще раз опиши.

– Значит, так... – Алексей, вспоминая, чуть прикрыл глаза. – Невысокий такой, плюгавый даже. Волосы густые, кажется, рыжеватые. Седая же борода. Лицо... Лицо я не разглядел – темновато было.

– Да уж, – снова забарабанил по столу Филимон. – Действительно – неприметный. Ладно, будем искать. Что думаешь предпринять?

Лешка почесал голову:

– Ну, во-первых, выставить на опознание трупы.

– Уже выставили, – кивнул начальник. – Полагаю, это мало поможет. В пределах Амастридского форума найдется мало желающих ссориться с Герасимом Кривым Ртом. Убитые ведь из его шайки.

– Из его... А что, если выставить их в каком-нибудь другом месте? Скажем, в мертвецкой и Силиврийских ворот или у Влахернской гавани.

– И что это даст? – задумался начальник. – Шайка Герасима там не работает, там свои шайки есть.

– Не работает, так, – согласился Лешка. – Однако, эти двое вполне могли где-нибудь там проживать, иметь знакомых, друзей... или обиженных. Мало ли?

Филимон потер глаза и кивнул:

– Ну, что ж, попробуй, может, чего и выйдет?

– И еще хочу опросить наемных возниц...

– У-у-у! – засмеялся протокураитор. – Их, знаешь, сколько?

– Знаю, – серьезно отозвался Алексей. – Но я запомнил приметы двуколки. Обшарпанная – коричневая или темно-коричневая повозка, колеса со щербинкой, на левой подкове правой лошади не хватает одного гвоздя. Я потом осмотрел следы. Вот что! – Лешка вдруг оживился. – Думаю, тот неприметный тип на этой двуколке и уехал! Уж больно быстро он исчез с площади. Да! Недаром же он о чем-то говорил с возницей. И, мне кажется, там, на площади я слышал стук копыт... Нет, точно слышал!

– Слышал, не слышал – какая разница? – хмуро возразил начальник. – Ты мне вот что скажи – зачем этот неприметный тип взял с собой арбалет? Небольшой – легко спрятать в складках одежды, быстро заряжающийся... Недешевая вещь. Очень недешевая.

Лешка пожал плечами:

– Ну, может, взял с собой для защиты.

– Шутишь! Для защиты достаточно и тех двух бугаев. Нет, этот тип специально его прихватил, и специально оставался в сторонке, словно бы чего-то ждал. Чего?

– Вы полагаете...

– Да! – Филимон прихлопнул ладонью по столу. – Разбойники что-то пронюхали. Но, не наверняка, а на уровне разговоров, слухов... Вот и решили на всякий случай перестраховаться, чтоб, если что – все концы в воду. Так ведь и вышло.

– Значит, кто-то из наших... – тихо протянул Алексей. И тут же поправился. – Я имею в виду не только наш отдел, но и канцелярию, и отдел регистраций и прочие...

– Ну да, ну да... Человек триста наберется, пожалуй.

– И все же надо будет искать! – упрямо сжал губы молодой человек.

– Ищи, ищи, – Филимон посмеялся сквозь зубы с таким видом, будто давно уже имел какое-то решение по столь важному делу. Ну, если и не полное решение, то хотя бы наметки. О чем и заговорил:

– Я вот тут подумал недавно... Впрочем, для начала я тебе кое с кем познакомлю.

Выйдя из-за стола, начальник распахнул дверь и громко позвал:

– Ну, заходи, Аргипарий. Небось, устал уже ждать?

– Ничего, господин Гротас, если надо, так подождет бы еще.

Вошедший в кабинет прокуратора человек был молод, пожалуй, даже слишком. Круглое добродушное лицо, светлые, падающие на плечи, волосы, плохо скрывавшие большие чуть оттопыренные уши, несколько безвольный, чистый, тщательно выбритый – или вообще еще не знавший бритвы – подбородок. Большие карие глаза парня смотрели прямо, тонкие губы растянулись в вежливой полуулыбке. Одет... Вот одет плоховато – туника слишком уж коротка, да и обувь – такую носили только в провинции, где-нибудь, скажем, в Морее, да и то только в самых дальних деревнях.

– Знакомьтесь, – кивком указав парню место за столом, начальник улыбнулся. – Это Аргипарий, твой новый напарник.

Алексей сдержал ухмылку – ну, вот еще! Не могли кого постарше найти? Теперь возись тут, как будто других дел нет!

Вслух, конечно, молодой человек ничего не сказал, но все его мысли вполне отчетливо отразились на лице.

– Ну, ну, не кривься, – Филимон засмеялся и, в свою очередь, представил парню Лешку. – А это, Аргипарий, твой непосредственный начальник, старший группы Алексей Пафлагон, человек умный, знающий... но чересчур увлекающийся и я бы даже сказал – самонадеянный.

Лешка чуть не поперхнулся слюной. «Самонадеянный» – ничего себе, характеристика! Хорошо хоть еще как-нибудь похлеще не обозвал.

– Так вот, будете работать в паре, – начальник ободряюще потрепал новичка по плечу. – Ты пока ступай, Аргипарий, устраивайся, а после полудня подойдешь, и уж тогда займешься делом. Где остановился-то?

– У Влахернской гавани, в одной корчме, – видя недоумение коллег, юноша с улыбкой пожал плечами. – Мне посоветовали.

– Язык бы оторвать подобным советчикам, – угрюмо протянул Алексей. – Слишком уж далеко, до и райончик там тот еще... Вот что, Аргипарий...

– Можно просто – Аргип, – снова улыбнулся парень.

– Так вот, Аргип, у тебя там, в корчем что, много вещей?

– Немного, но есть.

– Так забирай их и приходи сюда... Уж подумаем, куда тебя пристроить.

– О! – расхохотался Филимон. – Ишь, как распорядился. Сразу видно – маленькое, но – начальство! Все, ступай, ступай, Аргип.

– До вечера, господа, – новичок поклонился и вышел.

– Где вы его только разыскали? – Алексей почмокал губами. – Поди, из какой-нибудь дальней деревне?

– Да, он откуда-то из-под Мистры, – нахмурился начальник. – А что?

– Оно и видно. Жаль, Никона отдали в дворцовое ведомство, – Алексей сожалеючи вспомнил о прежнем своем напарнике, человеке пусть еще и молодом, но опытном, и много чему Лешку научившем.

– Сам бы не захотел – не отдали б, – вздохнул Филимон. Будто бы Никон сам ушел! Посидели, и даже Филимон ничего не смог сделать – не тот оказался случай.

– Ты вот что, – помолчав, продолжал начальник – Обкатай этого новичка побыстрее, пусть с тобой поработает, но – пока только здесь, в присутствии... Никто – понимаешь, никто – в городе не должен его видеть вместе с тобой или с кем-то из наших, ясно?

Ясно ли было Лешке? Вполне. Даже – яснее ясного. Раз – чтоб никто не видел, да еще и парень – из провинции, то, что это значит? А то и значит, что ушлый старый черт Филимон Гротас не иначе, как решил внедрить новичка в банду Герасима!

– Да, решил, – начальник пожевал губами. – А как еще я возьму эту шайку? Тем более – такой подходящий случай. Этого Аргипа не только в нашем районе ни одна собака не знает, но и – во всем городе. Грех не воспользоваться. Только вот что, – Филимон понизил голос. – Готовить его ко всему придется тебе. И как можно быстрее. И вот учти, что от висящих дел я тебе тоже не освобождаю – извини, не могу позволить, сам знаешь – народу мало.

– Как можно быстрее – это сколько?

– Неделя. Ну, полторы, не больше. Понятно?

– Угу.

– Тогда действуй!

Легко сказать – действуй, да куда трудней выполнить. Что и говорить – текущих дел у старшего тавулярия особого секрета городской стражи эпарха Алексея Пафлагона имелось множество. В основном – кражи. Мелочь, но ведь по ним нужно было работать, особенно – по последним. Лешка просто нюхом чуял, что объявился на его участке – в окрестностях рынка Быка – один старый знакомец, уж больно ловко, черт, срезал кошельки с поясов всяких ротозеев. Знал Алексей когда-то такого умельца – некоего Зевку из шайки недоброй памяти старика Леонидаса Щуки. Леонидас давно уже обретаётся на том свете, верно, жариться на сковородке в Аду, а вот его людишек – особенно, таких знакомых, как Зевка – наверняка, кто-то прибрал. Правда, шайка Леонидаса Щуки обреталась в развалинах у стены Константина, а это не так уж и близко от площади Быка. Впрочем – и не так уж и далеко.

Вот, не далее, как третьего дня, будто бы показалось Лешке словно бы промелькнули на форуме в толпе покупателей знакомые кудряшки Зевки. Показалось. Мало ли кудрявых подrostков? Сколько сейчас Зевке – наверное, лет пятнадцать... Выспросить бы о нем дружка своего, Тимофея. Мало ли – и тот его видел? И вот еще было бы хорошо подставить Зевке – если это и в самом деле он – скажем, того же Аргипа. Хотя, нет, нельзя, Филимон сказал – только в кабинете. Ага, научишь тут чему-нибудь в кабинете, как же! Но, он же еще добавил чтобы новичка никто не видел вместе с сотрудниками эпарха. Так его никто и не будет видеть. Вместе.

Аргип даже не сменил одежду – да и незачем, и так у него вид был самый что ни на есть подходящий – ну, типичный провинциальный ротозей, этакое полохало. Лешка не поленился, кошелек новичку подобрал соответственный – большой, пузатый, из полосатой кошачьей шкуры – именно такие обычно и носили приехавшие в столицу провинциалы.

Проинструктированный, как надо, Аргип, глаза по сторонам с видом стопроцентного деревенского растяпы, неспешным шагом направился к рынку Быка. Позади, шагах в двадцати, словно бы сам по себе, шагал Лешка, время от времени цепко посматривая вокруг.

На рынке Быка было довольнолюдно – не так, конечно, как по большим праздникам или в старые годы, но все же имелся разнообразный народец. Стоящие за рядками, торговцы громогласно нахваливали свой товар – корзины, керамические кувшины и блюда, ткань. Продавцы более высокого полета настезь распахнули двери и окна многочисленных лавок, располагавшихся на первых этажах домов и мастерских. Некоторые даже высылали на прилегающие улицы мальчишек-зазывал, и их звонкие голоса звучали повсюду:

– Хомуты! Замечательные хомуты в лавке господина Аристароса! Не проходите мимо, замечательные дешевые хомуты!

– Подносы, подносы... Очень красивые, серебряные, с чеканкой!

– А вот кому мыло?! Двенадцать сортов – лавандовое, дубовое, с кориандром... Здесь недалеко, господин! – зазывала ухватил за руку проходившего мимо лавок Аргипа. – Пойдем, пойдем...

Аргип упирался, но как-то не умеючи, вяло – и в самом деле, деревня! Во, уже и согласился идти... Недовольный задержкой, Алексей громко свистнул, жестом подзывая к себе мальчишку из мыльной лавки:

– Эй, парень! Возьму ящик.

– Дождитесь меня, господин, – зазывала моментально потерял всякий интерес к «деревенщине», тут же подскочив к потенциальному оптовику:

– Я не ослышался? Вы сказали – ящик, господин?

– Двенадцать сортов, говоришь? – нехорошо прищурился Лешка. – Не слишком ли много?

– Много? – «мыльный» мальчишка сразу же почувствовал какой-то подвох, но вот какой...

– Ты от лавки кричишь или от мастерской?

– У моего хозяина – и то и другое.

– Мыло, значит, варите. И разных сортов? – Алексей усмехнулся. – А вот сейчас позову смотрителя рынка, да сходим, проверим, каеи вы там сорта варите?

Зазывала испуганно хлопнул ресницами – без особого разрешения эпарха владельцам мыловарен разрешалось варить мыло только определенных сортов, весьма немногочисленных, и уж никак не двенадцать.

– А ну, пойдем, пойдем, – Лешка уже схватил «мыльного» мальчика за руку. – Глянем!

Оп! Тот выскользнул, словно и в самом деле был намылен мылом, рванулся в сторону, под ноги прохожим – миг – и нет его! Ну, и слава Богу! Где же, однако, Аргип? А, вон он, шагает далеко впереди, уже заворачивает за угол.

В какой момент у него срезали кошель и, главное, кто – новичок не заметил. Срезали... Потом, уже в отделе эпарха, стоял, конфузился – и никак не мог объяснить, как так вышло?

– Я ж тебе говорил, – недовольно бурчал Алексей. – Не стой столбом у прилавков, посматривая... А, чего там – учиться тебе еще и учиться.

Новичок казался таким несчастным, обиженным, будто вот-вот заплачет. Большие уши его покраснели, ресницы дрожали, словно у девочки. Ну, что с него взять? Если кто и виноват, так это сам Лешка – выходит, не до конца объяснил.

Стемнело уже, на улицах – на главных улицах, пронизывающих широкими стрелами весь город, зажигались огни. Было то самое время – перед поздним вечером, когда казавшиеся пустынными улицы столицы вот-вот должны были взорваться толпой подвыпившего народа – по указу базилевса ночью закрывались все питейные заведения. Как раз сейчас вот-вот должны были закрыться.

Подумав, Алексей решил, что уже не будет встречаться сегодня с Тимофеем, навестит того завтра, улучив время, ну а сейчас... сейчас и впрямь пора было идти домой, спать. Молодой человек улыбнулся, предвкушая скорый домашний покой и уют. Выйдя на крыльцо, остановился в тени портика, невольно любясь отражавшейся в море багровой полоской заката. Дул теплый ветер, проносил влагу и терпкий запах цветов. В черном небе загорались звезды, и серебряная луна зависла прямо над величественным куполом храма Святой Софии, окруженного развалинами некогда великолепных дворцов. Увы, в городской казне нынче хватало денег лишь на главный городской храм. Однако, в смутном свете луны развалины не очень-то бросались в глаза – колонны казались вечными, а крыши портиков да и

сами дворцы – только что выстроенными и уснувшими, спрятавшимися в ночи только лишь для того, чтобы с первыми лучами солнца явить себя во всем своем великолепии! Так казалось. И Лешке очень бы хотелось, чтобы так было. Ведь это был его город. Его прекрасный город. Город его мечты и надежды. Царьград!

– А можно мне заночевать здесь? – выйдя под сень портика, негромко поинтересовался Аргир. Новичок.

Алексей даже устыдился – ну, надо же, он совсем забыл о напарнике.

– Инструкция запрещает сотрудникам ночевать в казенном учреждении без особой надобности, – негромко пояснил молодой человек... старший тавуллярий... Ну, это, примерно, как старший лейтенант, что ли...

Аргир вздохнул:

– Ну, тогда ничего не поделаешь, придется тащиться назад к Влахернской гавани. Так ведь и не успел сегодня ничего себе присмотреть.

– Ничего страшного, заночуешь у меня, – рассмеялся Лешка. – Приглашаю в гости. Идем. У меня как раз найдется кувшинчик вина... а то и пара кувшинчиков. Ну, пару, конечно, Ксанфия не даст выпить...

– Ксанфия – это ваша жена? – спускаясь по лестнице, уточнил напарник.

– Жена? Гм... – старший тавуллярий задумался, как бы объяснить практически незнакомому человеку их отношения. Хотя, а зачем объяснять-то?

– Мы еще пока не женаты, Аргир, – обернувшись, пояснил Лешка. – Только помолвлены. А свадьба – осенью...

– Понятно...

И что ему понятно? Лешка и Ксанфия были помолвлены уже довольно давно, больше года, и свадьба поначалу намечалась на прошлую осень, но... Но помешали дела и заботы. Во-первых, нужно было как-то налаживать быт – пошлая пословица «с милым рай и в шалаше» не очень-то устраивала обоих – уж слишком многое они уже повидали, слишком многое пережили, чтобы бросаться в барк, как в омут – с головою и без оглядки. В конце концов, любить друг друга можно было и так – в этом смысле Ксанфия была продвинутой девушкой, настоящей столичной жительницей. Да и времена в Константинополе настали не те, что раньше – религия уже практически не играла никакой роли, часть высшего духовенства склонялась к латинянам, а часть, во главе с епископом Геннадием – увы – даже к туркам! И кто там и как с кем живет – никому не было дела. И правильно!

И все же, влюбленные с трепетом готовились к свадьбе, причем каждый – по своему. Алексей начинал строить карьеру, и весьма успешно – должность старшего тавуллярия в неполные двадцать два года, знаете ли, весьма почетна. Причем, Лешка всего добивался сам – никого не подсиживал, не писал – как было кое-где принято, доносы на сослуживцев, не лебезил перед вышестоящими, не льстил начальству, а просто честно делал свое дело – и в очищении рынка и всего немаленького района от площади Быка до Амастридского форума от всякой швали была и толика Лешкиного труда. И не такая уж малая толика! За то и ценило начальство, правда, иногда распекая – но ведь за дело. Да и начальник был – золото, при всех своих недостатках. Протокуратор Филимон Гротас так же начал службы с младшего тавуллярия, поначалу гонялся за карманными воришками, а потом раскручивал и серьезные дела. Знал службу от и до, много чего мог посоветовать, многим помогал – и словом и делом. И, если б его не подсиживали, скорее всего, поднялся бы по служебной лестнице куда выше. Впрочем, и многие бы поднялись, если бы не подсиживали. Из-за чего, к примеру, сменил место службы Никон – опытейший сотрудник, которого уважали многие? Точнее сказать, не из-за чего, а из-за кого? Ясно было всем – из-за происков тавуллярия Злотоса. О, этот Злотос немало попил крови! А с виду и не скажешь, что интриган и склочник – высок, голубоглаз, белокур, на лицо не то, чтобы писанный красавец, но и не урод, женщинам нравился,

и Алексей знавал тех женщин. Женат был удачно – на дочке старшего прокуратора Маврикия, опекавшего весь их отдел. Потому и шел по служебной лестнице вполне уверенно, и так же уверенно расправлялся с соперниками. Вот и Никон неожиданно оказался в числе таких – оба претендовали на должность начальника участка в отделе производства дознания и суда над шкиперами и купцами. Никон здесь брал знаниями и опытом, ну а Злotos – связями и нахальством. Больно уж заманчивой казалось для него эта должность. Вот и добился. И скоро получит старшего тавуллирия, а через пару-тройку лет. Глядишь – и станет парафаласситом – заместителем эпарха по данному отделу. С таким-то тестем – почему бы и нет? Правда, это если тесть удержится, если же нет – пропала карьера господина Злotosа, слишком уж много людей на него обиженно, слишком уж много. Ну, два черт с ним, со Злotosом, и с прихлебателями его – появились уже в отделе и такие. И с чего этот типа вдруг Алексею вспомнился? Тьфу ты, еще и на ночь глядя.

Ксанфия с Лешкой снимали последний этаж трехэтажного дома, располагавшегося совсем недалеко от места службы, ближе к Амастридскому форуму. Дом, конечно же, был доходным, но вполне ухоженным и приличным, куда не стыдно было бы пригласить даже самых высокопоставленных гостей, если бы вдруг подобные решились ни с того ни с сего навестить старшего тавуллирия Пафлагона. Облику дома – и внешнему и внутреннему – а так же его месторасположению – почти центр – увы, соответствовала и цена. Недешево, конечно, оказалось снимать – но все же куда дешевле, чем даже самый захудалый особняк. Тем более, к особняку нужны еще и слуги – привратник, кухарка, уборщица – и всем плати! А в доходном доме слуги имелись свои, хозяйские. И весьма, весьма расторопные!

Деньги пока были – Ксанфия как-то очень умело вложилась в городскую недвижимость, а старый друг семьи, рыжий пройдоха и коммерсант Владос – на часть общих денег даже приобрел торговый корабль, который, к большому удивлению Лешки, вовсе не потонул в первый же шторм и не попался пиратам, а приносил верный, и не сказать, чтоб малый, доход. Так и жили. Ну, еще Лешкино жалованье. Одно жалованье – взятка он не брал принципиально, уж больно не хотелось пасть в собственных глазах ниже некуда, примерно на один уровень с пресловутым Хрисанфием Злotosом.

– Ну, вот, – подходя к дому, Алексей кивнул на ворота. – Пришли.

– Это ваш дом, господин? – удивился напарник. – Очень красивый. И какой большой!

– Я снимаю лишь третий этаж, Аргир. И вот еще что... не надо звать меня господином.

Зови – Алексей или Лекса.

Напарник с улыбкой кивнул:

– Хорошо.

Вежливо поздоровавшись, привратник с поклоном распахнул ворота.

Перед домом был разбит сад, небольшой, но очень уютный – яблони, сирень, акации. У самых ворот – скамеечки и большая клумба. За цветами следил привратник, самолично высаживая и выхаживая каждый цветочек. И добивался успеха – от клумбы нельзя было оторвать глаз, даже соседи посмотреть приходили.

У Ксанфии когда-то тоже был сад. И особняк и шикарная прогулочная коляска, покрытая сверкающим лаком. И много чего другого было. Увы, все осталось в прошлом! Давно уехали в Геную подруги детства – две смуглявые сестрички – а особняк и все имущество переписал на себя опекун Ксанфии Андроник Калла – очень влиятельный господин, оказавшийся на поверку турецким шпионом. Дом и все имущество шпиона, естественно, пошли в городскую казну, хотя Ксанфия никогда не теряла надежды отсудить все это. Вот только нужно было отыскать опытного адвоката из тех, кто не боялся бы связываться с государством. Увы, в этот-то и была вся загвоздка. Умных юристов хватало, но вот, что касается тяжбы с государственным ведомством – никто не соглашался. Как же – все умные!

Поднявшись по широкой лестнице на третий этаж, Алексей вошел в гостевую залу и, пригласив гостя садиться, громко позвал жену.

– Да, милый?

Ксанфия слово бы впорхнула в залу, в невесомом бледно-розовом платье из полупрозрачного шелка, красивая, как юная богиня! Пышные волосы ее – безо всякой прически – разлились по плечам нежно-золотистыми волнами, синие – с неким изумрудным оттенком – глаза сияли, молодая женщина явно радовалась возвращению своего жениха.

– Ой! – увидев незнакомого парня, она сконфузилась – платье-то было вольным, слишком вольным. Пожалуй, более уместное в каких-нибудь языческих Афинах или же в древнем Риме, но уж никак не в ортодоксально-христианском Константинополе, оно ничуть не скрывало ни соблазнительных форм, ни всего прочего. Даже соски на высокой груди были хорошо заметны. Этаким домашний пеньюар, а не предмет одежды. Впрочем, Лешке очень понравилось – тем более, что раньше он такого платья не видел. Видать, ждала его любимая женщина... ждала! Женщина... А ведь ей всего восемнадцать!

– Это мой новый напарник, Аргир, – Алексей представил гостя.

А тот уже сидел пунцовый, словно вареный рак, и большие уши его багровели варениками.

– А я ждала только тебя, – ничуть не стесняясь, Ксанфия быстро чмокнула жениха в щеку и унеслась в спальню – верно, переодеваться. Нет, не переоделась, лишь накинула на плечи накидку из плотной, щедро вышитой золотом, ткани. Вышла с серебряным подносом в руках – кувшинчик вина, жареная холодная рыба, маринованные оливки, еще какие-то заедки, сыр.

– Думаю, вы не откажетесь перекусить?

– И выпить! – улыбаясь, Лешка уселся на мягкую скамеечку. – Какое красивое у тебя платье, милая. Что-то я раньше такого не видел.

– Заказала у одной портнихи, – Ксанфия явно была польщена. – Специально для тебя... А вам, уважаемый Аргип, вам – нравится?

– Что? – не отрывая от Ксанфии взгляда, еле выдавил из себя тот.

– Да платье же, одежда! Как вам – красивое?

– Н-да...

– Смею заверить – то, что под платьем, еще красивее! – приобняв невесту, захохотал Лешка, чем окончательно поверг в полное смущение впечатлительного провинциала.

Дальше выпили вина, смеялись. Узнав, что гость из Мореи, Ксанфия перевела беседу еще в более оживленное русло – ведь именно в Морее она и прожила несколько месяцев в прошлом году. И имела все шансы остаться там навсегда – живой или мертвой – ежели б Алексей ее тогда не выручил. Сначала разыскал, а потом – выручил, и то и другое сделать было не очень-то легко.

Ужин затянулся далеко за полночь. В бронзовых подсвечниках горели восковые свечи, сквозь приоткрытое окно теплый ветер приносил волшебное благоуханье сада и были слышно, как невдалеке, у рынка, лаяли выпущенные на ночь псы.

– Хорошо как! – Ксанфия подошла к окну, закрывая ставни. – И все же, уже давно пора спать. Я постелю вам в гостевой комнате, Аргип, не возражаете?

– Нет, – Аргип поедал глазами хозяйку, да так, что Лешка даже несколько взревновал.

– Я зажгла в гостевой свечи... Если захотите пить – там на столе, в бокале – вино.

– Благодарю вас, прекрасная госпожа.

– Покойной вам ночи, дорогой гость.

– И вам...

Лешка и Ксанфия, наконец, остались одни. Быстро разделись... И словно электрическая искра, словно молния вдруг вспыхнула от соприкосновения двух обнаженных тел! И

все тревоги дня забылись, и накопившуюся за целый день усталость вдруг сняло, как рукой, и, кажется, в небе за окном погасли звезды. И вообще никогда не стало, а мир сузился для двоих...

Глава 2

Лето 1443 г. Константинополь. Песня

*Благозаконье же всюду являет порядок и стройность,
В силах оно наложить цепь на неправых людей...*

*Солон
«Благозаконие».*

...юноша по имени Аргипарий. Напарник.

Которого так и не удалось по быстрому внедрить в банду, пришлось повозиться, чтобы все выглядело естественно, слонов бы само собой. В этом деле людям эпарха неожиданно помог некий юноша по имени Тимофей, бывший член шайки старика Леонидаса Щуки, а ныне – подмастерье в керамической мастерской г-на Николая Малиса, располагавшейся у форума Тавра. Алексей года полтора назад спас парня от лап гнусного старика Леонидаса, и юноша не забыл сделанного ему добра.

Старший тавуллирий Алексей Пафлагон сам разыскал Тимофея, ближе к вечеру подождав его на выходе из мастерской – благо идти было недалеко. Со времен обретения в шайке парень вытянулся, повзрослел, но прическу носил прежнюю – если это вообще можно было назвать прической: темно-русые спутанные волосы падали на лицо, почти закрывая глаза. Сколь же ему сейчас лет? Четырнадцать? Пятнадцать? Да, где-то так...

Попрощавшись у ворот мастерской с какими-то людьми, судя по одежде – мастерами, Тимофей пригладил волосы пятерней и, негромко насвистывая, направился в сторону Амастридского форума.

Алексей окликнул его через пару кварталов – убеждался, что за парнем никто не следит. Хотя, спрашивается, кому нужно следить за каким-то там подмастерьем? И, тем не менее... Что поделать – привычка.

– Алексей?! – Тимофей обернулся, узнал, и широкая улыбка осветила его смуглое лицо, а в светлых, еле заметных под спутанной челкой, глазах вспыхнула самая искренняя радость. – Вот славно, что мы с тобой встретились! Мы как раз закончили сегодня пораньше, в честь праздника.

Алексей улыбнулся – и впрямь, сегодня был день какого-то святого, какого-то не самого важного, но, тем не менее, пользовавшегося популярностью в народе. Имя святого молодой человек, как ни старался, вспомнить так и не смог, да и не очень старался – не его это дело, упоминать всех святых, вот старый приятель, брат Георгий, монах в монастыре при церкви Хора, тот, уж конечно, мог бы просветить в этом вопросе любого.

– Что к нам не заходишь? – Лешка взял парня под руку. – Вина бы выпили, поговорили.

– Да... – юноша замялся. – Знаешь, и не очень-то время есть, и...

– И?

– И, честно говоря, кто я, и кто ты? Простой подмастерье ходит в гости к господину старшему тавуллирию... – не dokonчив фразу, Тимофей покачал головой.

– И что с того? – усмехнулся Лешка. – Обязательно заходи!

– Да и супружницы я твоей стесняюсь, чего там.

– Она мне не супружница... Пока. Так что, заглянем в таверну? – Алексей указал на питейное заведение, располагавшееся на углу неширокой улицы. Надо сказать, заведение выглядело вполне симпатично – красивая, изображавшая какого-то дивного зверя, вывеска, проворные служки в чистой одежде, вытасненные под сень тенистых платанов столы.

– Зайдем, а?

Алексей почти что силой затащил сконфуженного паренька в таверну – заведения казалось явно не по карману простолюдинам, да таковым и являлось.

«Единорог» – Лешка, наконец, вспомнил название и, усевшись за крайний стол, подозвал служку, заказав кувшинчик вина с мидиями и сыром.

– Вот что, Тимофей, мне нужен Зевка! – без всяких предисловий начал разговор Алексей. – Я знаю, он втихую промышляет на Амастридском форуме и на форуме Быка.

– Да, – наклонил голову Тимофей. – Я его тоже там пару раз видел. Он, кстати, меня узнал, обрадовался... Но я прошел мимо – не нужны мне теперь подобные знакомства.

– А вот это зря, зря, – подлив парню вина, старший тавулярий решил, что, пожалуй, слишком уж форсирует тему, и, широко улыбнувшись, поинтересовался, как там у Тимофея с работой?

– Очень хорошо, не поверишь! – парень с гордостью тряхнул головой, отчего спутанные волосы его дернулись, словно львиная грива. – Не такое это простое дело – управляться с печами обжига! О, тут не мало знать следует. А полива? Как ее приготовить, как правильно разлить – столько рецептов, что голова кругом!

Алексей еле сдержал ухмылку – видать, парню и вправду нравилось свое дело. Ну, дай-то, Бог, дай-то Бог.

– А с Зевкой ты все ж таки встреться, очень тебя прошу. Где ты его видал?

– Да я ж уже говорил – тут, рядом, – юноша наморщил нос. – Вот, как в мастерских – тут их много – заканчивают работу, так я его и вижу, Зевку. Видать, специально поджидает толпу, шарится, промышляет. Нет, не хочу я с ним встречаться!

– Ну, ради меня, Тимофеюшка? А?

Уговорил, уж как же. Согласился Тимофей, исключительно за-ради дружбы, хоть и дал понять, что подобные связи могут бросить на него тень – а ведь и мастера и сам хозяин мастерской ему очень сильно доверяют, но, увидев с подобным субъектом...

– Так я и не прошу тебя с дружбу с ним заводить. Встретишься пару раз, поговорите о том о сем, старое вспомните...

При этих словах Тимофей скривился.

– А, главное, – словно не замечая его гримасы, негромко продолжал Алексей. – Так, между прочим, проговоришься ему, что есть у тебя приятель... не приятель даже, а так, знакомый шапочный. Амбициозный такой провинциал, правда, ничего не умеющий – устраивался, дескать, к вам в мастерскую, да не взяли...

– Слушай, – парнишка вздрогнул. – А ведь к нам приходил такой! Светленький, кругломордый, уши чуть оттопыренные, красные. Устраивался, да – но как-то быстро исчез.

– Вот-вот, – ухмыльнулся Лешка. – Я о нем и толкую. В общем, скажешь Зевке, что парень этот – зовут его Аргипом – как-то предлагал тебе дешево купить у него ткань. Явно краденую – он устроился смотрителем за котами на один склад в гавани Феодосия.

– Смотритель за котами? – удивленно переспросил Тимофей. – Это что за должность такая?

Алексей пожал плечами:

– Должность, как должность, обычная. На складах – особенно в гавани – полно крыс, так?

– Ну?

– Так вот, супротив крыс там котов и держат. А за ними – котами то есть – тоже надобно присматривать, подкармливать, убирать – вот и должность.

– А-а-а, – юноша засмеялся. – Поня-а-атно.

– Главное, чтобы тебе понятно было, что Зевке сказать!

Бандиты поверили! Может, правда, пока и не совсем, но все же клюнули на крючок – уже через три дня после Лешкиного разговора с Тимофеем, Зевка встретился с Аргипом.

Докладывая, Алексей радостно потирал руки.

– Ты пока не очень-то лыбся, – опасаясь спугнуть удачу, осадил его Филимон. – Как оно еще все там пройдет?

– Ну, – Лешка улыбнулся еще сильнее. – Это теперь уж от нас зависит.

– От нас, от нас... – пробурчал в усы протокуратор, – Но еще – и от них тоже. И от случая. А случаи, Алексей, разные бывают, и не всегда – для нас благоприятные. Что этот... Зевка?

– Тщательно расспрашивал Аргипа о том, что храниться на складе, Аргип отвечал подробно... ну, как и договаривались.

– И что? – Филимон подкрутил усы. – Договорились о чем-нибудь? Ну, не томи, не томи, я ж по лицу твоему вижу – договорились.

– Разбойники придут грабить склад вечером нынешней пятницы!

– В нынешнюю пятницу? – деловито переспросил начальник. – Через два дня!

– Да, господин протокуратор, через два дня.

Пятничный вечер оказался дождливым и темным. Дующий с моря ветер приносил тяжелые тучи, моросил дождь, местами переходящий в самый настоящий ливень. Казалось, сама природа была в этот день на стороне преступников, тихо пробирающихся опустевшими улицами. Вечерня в церквях уже давно кончилась, прихожане разошлись по домам, уже вот-вот должны были закрыться и злачные места – веселые дома, уличные забегаловки, таверны. Смешавшиеся с пьяной толпой разбойники уверенно продвигались в сторону гавани Феодосия.

Сидевшие в засаде люди эпарха заметили их уже у самого склада. Заметили, потому что специально высматривали, ждали. Если бы не это, вряд ли бы кто обратил внимание на пьяно пошатывающихся рыбачков, бредущих к своему карбасу. Как видно, забыли что-нибудь, или решили заночевать где-нибудь рядом, чтобы завтра поутру выйти в море. Дождь? А что – дождь? В дождь точно так же хочется кушать, как и в самый солнечный день!

Ага... Вот один скользнул к складу. Стукнул в ворота – тук-тук... тук... Условный знак. Прятавшийся в кустах сирени Лешка вытянул шею, прислушался – шум дождя заглушал звуки, но все же можно было различить, как скрипнул засов.

А дальше оставалось только ждать, посматривая на небольшие отверстия вытяжки под самой крышей склада. Пока темно... Какая-то возня, шум... И все! Ага, вот, вроде бы, что-то мелькнуло, появился свет – оранжевый, дерганый... Факелы. Они зажгли факелы. Значит, все идет по плану... Алексей поежился – капли дождя попали за шиворот, оглянулся – Иоанн с Панкратием прятались рядом, их, скорее можно было ощутить, почувствовать, нежели увидеть.

Вечер оказался ненастен и темен, как раз то, что и нужно разбойникам. Ага! Снова скрип. Чуть дернувшись, приоткрылись ворота. Вспыхнула на миг тускло-оранжевая дрожащая полоса... и тут же исчезла – кто-то вовремя погасил факел.

Интересно, на чем они повезут награбленное? Неужто, на себе потащат? Тюков, правда, немного, но все таки... О! Вот и повозка. Одноколка, запряженная осликом – Алексей скорей, угадал, чем увидел ее – лишь только темную тень. Вот звякнула подпруга, кто-то что-то сказал... тихо, ласково, видно, успокаивал ослика. Кажется, погрузили. Обратно двинулись тихо, без скрипа, лишь слышно было, как стучали по мостовой копыта.

Выждав некоторое время, Алексей обернулся к своим:

– Пора!

Выбравшись из кустов, три тени неслышно скользнули к складу. Как и следовало ожидать, ворота оказались не заперты, а внутри – темнота и тишь. Лишь капли дождя уныло стучали по крыше, да где-то в углу мяукнул кот.

Иоанн зажег свечку. Дернулось, полезло к крыше дрожащее желтоватое пламя. Лешка усмехнулся и довольно кивнул: рядом с опустевшими полками, лицом к стене, лежали трое, аккуратно связанные по рукам и ногам прочными пеньковыми веревками. Двое незнакомых, вероятно, сторожа, и один – светловолосый, с чуть оттопыренными ушами – Аргип.

Убедившись, что все прошло как надо, Алексей махнул рукой – уходим. Ушли так же неслышно, как и пришли, лишь поплотнее прикрыли ворота. Выбравшись из гавани, направились вдоль неширокого ручья к крепостной стене.

– Стой, кто такие? – тут де последовал окрик с воротной башни.

Алексей усмехнулся – разбойнички-то вполне успели до закрытия крепостных ворот, а вот они...

– Стой, кому говорю!

– Силистрия! – громко выкрикнул пароль Иоанн.

– Смирна! – тут же отозвались с башни. – Проходи.

Воротная стража оказалось знакомой, а с их десятником договорились еще загодя.

– Ну, как? – велел отворить ворота, вежливо осведомился тот.

– Все нормально, – Алексей похлопал воина по плечу. – Прошу извинить за лишнюю работу.

– Ничего, – тихо засмеялся десятник. – Лишь бы лиходеев поменьше стало, а то уж вечером и по городу не пройти.

Да уж – по городу не пройти, сказано было точно.

В тот же день, вечером, Лешка нелегально встретился с Аргипом – парень дожидался его на конюшне одного из постоялых дворов.

– Что скажешь? – молвил старший тавуллярий вместо приветствия.

Аргип заулыбался:

– Все прошло гладко, и никто ничего не заподозрил. Владелец склада грешит на ненадежный засов... Не зря ломали! Ловко придумано и...

– Я не об этом, – нетерпеливо перебил Алексей.

– Зевка сказал, что найдет меня.

– А вот это славно. Еще не подходил?

– Нет.

– Как объявиться, скажешь – примерно через неделю на склад поступит крупная партия золотой посуды, дорогого орудия, пряностей. Об этом, дескать, проболтался один матрос с барки «Синяя звездочка», зовут матроса Николай, запомнил?

– Барка «Синяя звездочка», матрос – Николай, – послушно повторил Аргип.

– Ты это услышал случайно, так, в общем-то, точно и не в курсах – должность не позволяет. Но, если надо, можешь еще разок встретиться с этим Николаем, выпросить, узнать точно... Понимаешь, к чему я клоню?

Юноша засмеялся:

– Ну, да, я же не совсем дурень, хоть и провинциал. Все это для того, чтобы втереться в доверия, стать своим...

– А еще для того, чтобы разбойники знали – без тебя у них ничего не выйдет, – Лешка потрепал напарника по плечу. – И вот еще что не забудь сказать. Дескать, теперь охрана склада будет организована совсем по-другому – наружная стража будет заступать не только ночью, но и днем, и вечером, да и засовы на воротах укрепят, так что пойти прежним путем налетчикам уже не удастся. А куш, в случае успеха, ожидается крупный. Золотая посуда,

оружие – это им не жалкие куски ткани, пусть даже и весьма качественной. – Лешка подмигнул собеседнику. – Что скажешь?

– Думаю, лиходеи должны выказать интерес. По словам Зевки, их атаман – парень рискованный. Тем более, сам же говоришь – такой куш.

– Скажи еще, что товар на складе долго держать не будут, перегрузят на какой-то корабль, а еще добавь, что владелец склада хочет заменить всех охранников, служек и прочих. Дескать – не очень надежны, звон, ограбление проворонили! Допустили! Пусть и мало взяли, но это дела не меняет. Ясно?

Аргип кивнул.

– Как будешь говорить об усилении охраны, – продолжал инструкцию Алексей. – Напирай на то, что обычным путем – с налета – ничего не получится, что нужно что-то придумать...

– Подкоп? – неуверенно предложил юноша.

Старший тавулярий кивнул:

– Вот именно, что подкоп! Но помни... это не ты должен предложить, а кто-то из них, пусть Зевка... Сладишь?

– Постараюсь.

– Вот-вот, постарайся... – Лешка вдруг усмехнулся. – Филимон велел передать – как сделаешь дело, ставим тебя на должность младшего тавулярия, без всякого там стажерства и всего прочего..

Напарник сглотнул слюну и улыбнулся. Хорошая у него была улыбка, открытая такая, широкая.

Обнадежив напарника, Алексей быстро зашагал домой. На этот раз нужно было брать всю шайку, всех тех, кто попадется в сеть – больше тянуть было нечего, до и позволить бандитам поживиться немалыми ценностями никто не собирался. Старая лиса протокуратор Филимон Гротас – как и Алексей, и все прочие – вполне допускал, что на ограбление склада пойдет не вся банда, а лишь ее часть – но, часть самая действенная, боевая. Взять – или истребить – этих, и лиходеи утихнут, хотя бы на время, а за это самое время нужно будет постараться отыскать все разбойничье охвостье, оставшееся на свободе. А для этой цели неплохо бы, как и предполагали раньше, внедрить в шайку Аргипа. Внедрить... Значит, надо дать кому-то бежать... Бежать не одному – с Аргипом... Сложное дело, но вполне может выгореть. Впрочем, если и не выгорит – так можно будет что-нибудь другое придумать.

Дня через три после этой беседы, погруженный в думы, старший тавулярий сыскного секрета эпарха Алексей Пафлагон, невольно ускоряя шаг, шел к теплу семейного очага. Семейного, семейного – уж можно было так и сказать, прямо...

Уже поднимаясь по лестнице к себе, на третий этаж, Алексей услышал раздающийся сверху смех, и даже не смех, а откровенный хохот, довольно громкий и, как почему-то сразу показалось Лешке, нахальный. Мужской! И кто бы это мог так смеяться в его жилище? Неужели, хозяин дома заглянул за квартирной платой... так еще, вроде, не время?

Ха!

Едва ступив на порог, Алексей распахнул объятия:

– Владос! Черт рыжий! Рад, что ты, наконец, заглянул, дружище. Сколько ж мы не виделись?

– Месяца три-четыре – точно!

Что и сказать, длинный, рыжеволосый с такой же рыжей бородкой и черными цыганистыми глазами, Владос Костадинос в последнее время не слишком-то часто навещал своих старых друзей – Лешку и Ксанфию, но вот, наконец, вырвался, объявился.

– Как дела, рыжий? Как жизнь? Чем сейчас занимаешься?

Владос подмигнул, засмеялся:

– Да так, всем понемногу. Занес вот вам путевые документы и деньги – корабль-то мы на паях покупали.

Алексей довольно потер руки:

– Вот уж, признаться, не ожидал, что твоя покупка принесет нам хоть какую-то прибыль.

– А вот ведь принесла! – словно бы возражая ему, воскликнула Ксанфия, да так, что можно было подумать, будто бы это и не она в прошлом году обещала поколотить Владоса за эту «никчемную покупку».

– «Святой Николай» – славное судно! – прихлебывая из высокого стеклянного кубка вино, не преминул похвалиться Владос. – Пусть это не быстроходная марсиьяна, а всего лишь грузовая скафа, тем не менее, «Святой Николай» весьма вместителен и, благодаря небольшой осадке, может заходить в такие места, куда иным кораблям вход заказан. Кстати, наше судно не далее как вчера вернулось из Мореи с лесом. Отличные сосновые бревна! Я их уже заранее продал секрету ремонта городских улиц и...гм-гм... некоему частному лицу – уж больно упрашивал.

– Ай-ай-ай! – Алексей шутливо погрозил пальцем приятелю. – Нарушаете имперские законы, господин Костадинос! Продаете стратегический товар частным лицам.

– Ну, я ведь немножко, – округлив глаза, якобы в ужасе, отстранился Владос. – Тем более, за очень приличную цену. Да, говорят, ты теперь старший тавуллярий? Поздравляю – далеко шагаешь, и – главное – быстро. Ксанфия, ты не соблаговолишь ли плеснуть мне еще не много вина?

– Хоть весь кувшин, друг мой, хоть весь кувшин. Кстати, ты уже успел присмотреть новый груз?

– Пока нет, – гость улыбнулся. – Но я шепнул кое-кому в гавани, что отдаю судно во фрахт на строго определенное время, не больше трех-четырёх дней, в крайнем случае – на неделю.

– И правильно, – согласилась Ксанфия. – Чего кораблю зря простаивать? Что, уже нашлись желающие?.

Гость захохотал:

– Конечно, нашлись, а как вы думали?! Некий господин Алос Навкратос уже зафрахтовал судно на ближайший четверг.

– Всего на один день? – удивилась Ксанфия. – И что, это стоит хороших денег?

– Конечно, стоит, милая Ксанфия! – убежденно воскликнул Владос. – Конечно, стоит. Тем более, это будет ночной рейс, что не так-то просто, но у меня хороший шкипер. Очень хорошие шкипер! Божиться, что каждую щель в Мраморном море знает.

– Так ты доверяешь ему корабль?

– Ну, неужели сам буду шататься по морю?

Владос выпил еще и со смехом предложил попеть песен. Ксанфия тут же принесла из спальни лютню, взяла аккорд и умильно посмотрела на жениха:

– Лекса, а ну-ка спой! Ту самую склавинскую песню, которую ты всегда поешь, когда выпьешь...

Лешка прищурил глаза:

– Очень хотите?

– Спой, Лекса, спой!

– Ну, ладно, уговорили... Ксанфия, музыку помнишь?

– А как же!

– Тогда начали... И...

Снова брошен в окна лунный свет...

Прикрыв глаза, Лешка пел старую песню знаменитой российской группы...

Глава 3

Лето 1443 г. Константинополь. Четверг

За меч, сына Эллады!
Сряжайте корабли!
Константин Ригас
«Военный гимн»

...«Ария», любимой Лешкиной группы.

Закончив петь, Алексей выхлестал целый бокал, кивнул Ксанфии, и затянул снова, теперь уже другую песню. Вернее – другие. Он спел и «Свободу» и «Прощай, Норфолк!» и «Улицу Роз», пел, не чувствуя усталости и не ощущая, как текут по щекам слезы. Хотя, конечно, Ксанфия была не Маврин, или Холстинин с Дубининым, а сам Алексей – не Кипелов и не Беркут, но он пел не голосом, пел душой...

Мы верим, что есть свобода,
Пока жива мечта...

Пел и невольно вспоминал прошлую жизнь. Ту... И воспоминания проходили клипами, под песни, под музыку «Арии», и было даже не ясно теперь – было ль это, иль не было...

Детский дом, абитура на факультете социальных наук, колхоз, вернее АОЗТ, куда по старой памяти приехал подработать в конце лета. Застрявший в болоте трактор, торговка спиртом бабка Федотиха... Гроза. И провал. И – отряд работорговцев татар.

Лешка – Алексей Смирнов – так до конца и не понял, как оно так вышло, что он, человек начала двадцать первого века, вдруг оказался в веке пятнадцатом, точнее – почтив его середине. Чудеса или просто – непознанное еще научное явление. Какой-нибудь темпоральный провал. Татары продали его в рабство, в Крым, откуда он бежал вместе с Владосом, бежал в Константинополь – родной город нового друга, который – не сразу, постепенно, стал родным и для него, Лешки. И все же парень поначалу дела все, чтобы вернуться обратно, в свое время, к привычной жизни, и добился таки своего, вернулся. И, как оказалось, зря. Ведь там по прежнему продолжал существовать тот самый юноша, Лешка Смирнов, словно ничего и не случилось, словно и не проваливался он никуда, не пропадал. Короче, Лешка Византиец – Пафлагон, как его прозвали в Константинополе – в своем прежнем времени оказался лишним, мало того, само его существование там угрожало жизни двух человек – пронзенного татарской стрелой и вдруг оказавшегося живым малолетнего Вовки и... и – Алексея Смирнова, по прозвищу «Леха-Практикант». Его! Лешка даже познакомился... гм-гм... с самим собой, выходит? И решил – убираться обратно, тем более, там, в далеком – и таком родном – пятнадцатом веке его ждали друзья, город, ставший родным, и любимая девушка – Ксанфия, нынешняя невеста и – Лешка очень на то надеялся – будущая жена. Ну, в общем-то, пока все и шло к свадьбе. Любимая, работа, друзья, уважение людей – всего этого Лешка достиг здесь, в Константинополе, достиг сам, чем мог законно гордиться. Одно отравляло жизнь – Лешка точно знал, что в мае 1453 года великий город падет под ударами турок. И хотел бы сделать все, чтобы этого не случилось. Время было – как-никак почти десять лет – и за это время, не такое уж и большое, нужно было что-то совершить, что-то придумать. Ну, а для начала стать тем, с кем вынуждены будут считаться власть предержащие.

Лешка помнил, как вернулся обратно, с помощью все той же бабки Федотихи и Черного болота. Бабка помогла ему вернуться с условием – ежегодно (а, если будет такая возмож-

ность, то и чаще) оставлять в условленном месте на Черном болоте драгоценности: золото, самоцветы и прочее. Пробираясь на новую родину, Алексей нашел одну девчонку в Брянске, которой помог бежать в Верховские княжества – поближе к тому самому болоту – и поручил ей выполнять все условия бабки Федотихи, естественно, ничего не объясняя. Девчонка была ему сильно обязана и согласилась, только вот, как узнать, выполняла ли? Да и не до того сейчас был. Хотелось бы, конечно, верить, что выполняла, но, как говорить – все в руках Божьих...

Допев, наконец, последнюю песню, Лешка устало откинулся на софу. Уже давно стемнело, и гостя оставили ночевать, чему он и не сопротивлялся, а сразу уснул, бормоча что-то насчет ближайшего четверга и корабельного фрахта.

Лешка тоже смежил глаза, но все же заснуть ему так и не удалось – едва задремав, он проснулся от щекотливого прикосновения нежных рук Ксанфии.

В четверг! Бандиты решили брать склад в четверг! К этому времени, как пояснил на секретной встрече Аргип, подкоп уже должен был быть готов. По просьбе Зевки юноша нарисовал для разбойников внутренний план склада, и буквально в тот же день получил через того же Зевку инструкции, согласно которым Аргип должен быть готовым помочь им уже в ближайший четверг. Владелец склада хотел поначалу и вовсе выгнать внутренних сторожей, включая и смотрителя за котами, как полностью не оправдавших оказанного им доверия, однако, после тайной и вдумчивой беседы с прокуратором Филимоном Гротасом, изменил свое мнение и милостиво согласился оставить «этих придурков».

Куда бандиты могут вывести подземный ход?

Лешка, Иоанн и Панкратий целый вечер решали сей кроссворд под руководством начальника. Получалось – куда угодно: можно к сиреневым кустам, можно – в сторону городских ворот – к платанам, а можно и к ручью.

– Я бы к ручью вывел! – азартно доказывал Иоанн. – Сами смотрите – там обрыв, колючий кустарник, травища по пояс...

– Все так, но к ручью не подъехать возам! – тут же парировал Панкратий. – Как же они будут тащить награбленное – на себе? Нет уж, тут и одним осликом не отделаешься.

– Не одним, так стадом, – Иоанн не собирался сдаваться. – Зачем им возы, когда добычу можно просто навьючить...

– Навьючить... – задумчиво повторил Алексей. В голову его вдруг пришла одна мысль, пришла вот только что, сейчас, после всех слов приятелей.

– А зачем навьючивать? – старший тавулярый обвел притихших коллег немного насмешливым взглядом. – Зачем вообще возы? Лодка! Баркас! Нагрузил, отплыл – и, пожалуйста, причалил, где тебе удобней.

– Молодец, Алексей! – покачав головой, похвалил начальник. – Верная мысль насчет лодки. Я б, к примеру, точно так и сделал... А вот по поводу того, где им удобнее пристать – тут тоже подумать надо. Панкратий, не в службу, а в дружбу, сбегай к господину Златосу, попроси схему южных гаваней, у них в отделе, всяко, должна быть.

Кивнув, Панкратий молча встал и исчез за дверью.

– Да, – подкрутив усы, продолжал Филимон. – Баркас баркасом, но и за всеми остальными направлениями тоже нужно присматривать. Вот вы тут говорили – куда удобнее вывести подкоп... Однако, я полагаю, что рассуждать нужно по иному – не куда, а откуда! Они ведь снаружи копать будут, а вовсе не изнутри.

Лешка с Иоанном одновременно хлопнули себя по лбам:

– А ведь верно!

– Значит, разбойников можно будет зачес еще на стадии подготовки подкопа! Землю ведь нужно выносить, куда-то выкидывать...

– Или вывозить.

– Да-да, или вывозить.

Протокуратор ухмыльнулся в усы:

– Сегодня у нас какой день? Вторник?

– Да, вторник с утра был.

– Вот завтра и глянем что там такого нового появилось, у склада... Сами только там мордами не сверкайте – пошлите агентов.

– Само собой.

Тут как раз вернулся и Панкратий с пергаментной схемой. Положил пергамент на стол, уселся, пожаловался, утирая со лба пот:

– Ух, и человек же этот Хрисанф Златос – как таких чертей еще земля носит?

– А что такое? – заинтересовались парни.

– Все выпрашивал, зачем, мол, вам схема, да что там мы там замыслили, да и вообще, все порты – это его территория и нечего туда соваться. Пришлось вашим именем пригрозить, господин протокуратор.

Филимон хохотнул:

– Ну и правильно. И так, что мы тут имеем?

Надо отдать должное Хрисанфу Златосу, схема оказалось очень подробной и заняла почти весь стол. Это ж сколько кожи пошло на сей пергамент? Небось, целый теленок, а то и два! Можно было бы и дешевой бумагой обойтись, так нет – надо же выпендриться!

Лешка, как и все остальные, с любопытством рассматривал схему, включавшую в себя все южное побережье Мраморного моря, в черте города, разумеется, от Золотых ворот на западе и до дворца Юстиниана на востоке.

– Что ж, давайте разбираться, – начальник задумчиво подпер кулаком подбородок. Начнем с запада... Что здесь имеем? А ничего – совершенно прямую линию, нет, вот, почти напротив церкви Иоанна Студита есть какая-то бухточка. Пристать там баркасу, наверное, можно, но вот – незаметно ли?

– Напротив форума Аркадия тоже такое же местечко, – внимательно вглядываясь в схему, подсказал Алексей. И ворота рядом – можно все награбленное сразу в город увезти.

– Ага, и поделиться со стражниками! – хохотнул Иоанн.

– Ну, уж это-то они решат, я думаю.

Лешка поднял глаза на начальника:

– А что, если предупредить всю береговую стражу начет четверга... вернее, ночи с четверга на пятницу?

– Обязательно предупредим, – кивнул Филимон. – На берегу никуда они от нас не денутся. И все же...

Оперативный совещание было прервано бесцеремонным стуком, и тут же, не дожидаясь ответа, в дверь заглянула усмехающаяся физиономия Хрисанфа Златоса:

– Рад вас приветствовать, господин протокуратор. И вас, парни, также. Все колдуете? А, между прочим, схему-то мне верните, поздно уже. Я бы не просил, но господин старший протокуратор Маврикий, знаете ли, издал строжайший приказ, чтобы все секретные документы никуда из...

– Знаю, знаю, – тут же прервал его Филимон Гротас. – Ты обожди немного, Хрисанф, возвратим мы тебе твою схему, не беспокойся... Вот лучше садись, да скажи-ка: если б тебе нужно было что-то вывезти на баркасе, скажем, из гавани Феодосия в город, ты бы где высадился?

– Днем или ночью? – было видно, что Хрисанф тоже задумался.

– Скажем так – раненько, к утру.

– К утру... А груз велик?

– Достаточен.

– Тогда – в гавани Юлиана, тут и думать нечего, – расхохотался господин Злотос. – Там всяких баркасов полно, и ваш бы укрылся. Потом перегрузили бы все на телегу, свезли на ипподром – сами знаете, что там теперь делается, целый лес вырос! Чаща! Что хочешь спрятать можно.

– Или – в развалинах, – тихонько протянул Алексей. – Их там тоже вполне достаточно.

– Ну, – снова хохотнул Злотос, – Я же о том и говорю!

– Значит, гавань Юлиана, – негромко повторил Филимон Гротас. – Все слышали? Гавань Юлиана – под особый контроль!

Подкоп, такое впечатление, вовсе не рыли! По крайней мере, именно так докладывали агенты, посланные Алексеем посмотреть, что происходит у склада. Божились, что не заметили ничего подозрительного – вот весь с них толк! В конце концов, Лешка решил наплевать на инструкции начальства, а что делать? Переоделся в дешевое платье, напялил на голову широкополую шляпу из старой соломы, перекрестился на видневшуюся в голубой дымке Святую Софию, да пошлепал в Феодосийскую гавань. Идти-то было всего ничего – по широкой улице вдоль ручья, все прямо, прямо, потом – через широкий проспект, тянувшийся вдоль всей южной стены, и вот они – ворота, вот она – синяя гладь Мраморного моря, вот она – гавань.

Конечно, здесь было не столь много кораблей, как в бухте Золотой Рог, но все же хватало – и не только рыбацких суденышек, но и стремительных грузо-пассажирских нефов, и крутобоких вместительных скаф.

Теплое море разбивалось о волноломы пенными шипящими брызгами, лизало черные камни причалов, у которых покачивались зарифленные канатами суда. По приставным сходням сновали туда-сюда портовые грузчики, ругались, хохотали, шутили, громко покрикивая на мешавшихся под ногами зевак:

– А ну, поберегись! Поберегись!

Пахло морем – соленой водой, только что выловленной рыбой, водорослями, йодом, еще чем-то таким, что невозможно было описать. Лешка, Алексей Смирнов, выросший в насквозь сухопутном городке, и ныне проживая в Константинополе, никогда не скрывал – как ему нравится этот запах! Вот и сейчас он с наслаждением вдыхал его, широко раздувая ноздри, осторожно перешагивая через снующих под ногами котов – неперменных спутников константинопольских мальчишек, лихо забрасывающих удилица с волноломов.

Ярко-голубое небо, слепящее солнце, бирюзовые волны и серые, зубчатые башни, и сотни судов под белыми парусами – на все это Алексею было настолько приятно смотреть, что он даже и забыл, зачем шел. Вспомнил, только когда купил в дешевой таверне стаканчик вина. Выпил, усмехнулся и, натянув шляпу на самый лоб, деловитой походкой направился к складу.

Уселся на большой камень, вместе с лениво загорающими мальцами, почесал бородку, оглядываясь по сторонам с видом беспечного зеваки. Вот он, шагах в ста, склад – приземистый, длинный. Солидные, обитые металлическими полосками, ворота, двое стражей с мечами у поясов... Хорошо, хоть не додумались копыя им дать да щиты – уж тогда точно, вся гавань бы знала, на какой именно склад привезли что-то очень ценное! А так, вроде и ничего – не очень-то и приметны, если специально не вглядываться, не искать.

Итак. Вот склад. Вот стражники. А вот, слева – кусты. И, похоже, никто в них не таится, не орудует лопатой или киркой, не таскает землю. Пусто. Справа за складом – ручей с обрывистыми берегами. Берега как раз укрепляли рабочие – мостили красивой плиткой. Ну, наконец-то, хоть на это нашлись в городской казне деньги, давно бы пора, а то прямо смотреть противно на глину, лопухи да чертополохи. Рабочие – молодые плечистые парни –

как видно, неплохо знали свое дело, работали ладно и споро, даже почти не ругались, лишь иногда что-то кричали другу другу. Так бы и все... Ага, вот подъехал воз с плиткой, даже не воз, а крытая кибитка – фургон – а на рогоже надпись: «Алос Навкратос» – имя подрядчика или название строительной фирмы, а, может – и той компании, где ремонтники арендовали возы. «Алос Навкратос»... Где-то уже слышал Алексей это имя, ведь точно – слышал...

Переговариваясь между собой, рабочие быстро выгрузили плитку и принялись заполнять воз землей. Ну, понятно – выравнивали берег. Еще немного полюбовавшись на их работу, Алексей прогулочным шагом обошел склад и внимательно осмотрел какие-то подозрительные развалины позади него. Очень, очень подозрительные. Бывают такие места – вроде бы и до центра города идти всего ничего, а вот здесь как-то безлюдно, тоскливо, пусто. Кругом наваленные, как попало, кирпичи, камни, осколки мраморной балюстрады, а дальше, в колючих кустах – черные отвалы земли. Ага!

Вот, не здесь ли? Лешка быстро подавил радость – что же, выходит, его агенты совсем уж безглазые? Просмотрели? Или, просто поленились заглянуть за склад? Ну, нет, не должны бы.

И все же, стоит осмотреть это место. Ох, не попасться бы на глаза – что, если там действительно копают? Землю есть куда кидать – во-он какие отвалы! Но что-то вот пустовато кругом. И тихо. Слишком уж тихо.

Оглянувшись по сторонам, молодой человек быстро направился к отвалам. Затаился за самым дальним, прислушался... сделал шаг. Теперь – укрылся за колючими кустами, выглянул... Ну, точно, никого! Может, они только по ночам роют?

Черт! Кажется, голоса! Идут?

Старший тавулярий ловко, словно нашкодивший кот, нырнул в кусты. И вовремя – из-за угла склада как раз показались трое: двое мускулистых парней в легкой одежде портовых грузчиков и одетый куда лучше их молодой человек, почти мальчик. Легкий дорожный плащ светло-серого сукна покрывал его длинную темно-голубую тунику, подпоясанную узким наборным поясом, на левом плече висела матерчатая сума. Выглядел парнишка – по мнению Лешки – как типичный деревенский лох. Интересно, этому-то что здесь понадобилось? Или это просто такой образ, этакого простачка?

– Во-он, теперь туда, Евстрат, – останавливаясь, показал рукой один из здоровяков. – Еще немного – и выйдем прямо к воротам.

– Вот спасибо вам, парни, – искренне засмеялся юноша. – Не знаю, чтоб я и делал без вас?

– Ничего, – разом усмехнулись его спутники. – Люди ведь должны помогать друг другу, верно?

– Конечно, верно, друзья мои... Вот, сейчас, строюсь – и приглашу вас в какую-нибудь таверну. Выпьем немного вина за знакомство!

– Вино – это бы неплохо было, – здоровяки переглянулись, один из них вытащил из-за пояса нож. – Посмотри-ка, Евстрат, ты, кажется, что-то обронил.

– Обронил? – парнишка замедлил ход. – Не знаю...

– Вон-вон, посмотри под тот камень!

Евстрат послушно наклонился...

Нет!

Лешка выпрыгнул...

Не нужен...

...из кустов...

...здесь лишний труп!

...словно выпрямившаяся пружина!

Оп! С ноги врезал тому, что с ножом, с удовлетворением услышав, как звякнуло о камень лезвие, развернулся ко второму – ударив сложенной в «медвежью лапу» рукою в кадык. Здоровяк захрипел, зашатался.

Однако опомнился другой, наклонился за ножиком... но тут же выпрямился, увидев, как Лешка метнулся к нему – умело поставил блок, и сам, в свою очередь нанес сильный удар под ребра.

Старший тавуллярий его, увы, пропустил – пропустил по глупости, просто вовремя не сгруппировался... И, быстро отскочив в сторону, зарекся повторять подобную ошибку.

– Что?! – вдруг вскрикнул Евстрат. – Что здесь происходит?

Лешка походя сбил его одним ударом – просто, чтоб не мешался. Во, во, пусть полежит в кустиках, отдохнет, а то надумает еще вот этим вот лиходеям помочь или, того хуже, позвать на помощь. Не нужен был Алексею шум около этого места, очень не нужен.

Ага... И второй, похоже, пришел в себя – это плохо. В следующий раз сильнее надо бить, беспощадней!

Вот оба закружили вокруг Алексея, словно почуявшие падаль хищники. Ухмыляются... Лешка смотрел как бы сквозь них, как учил в секрете эпарха один из бывших кулачных бойцов. Нельзя смотреть противнику в глаза, нельзя – на руки. Так не почувствуешь, не уловишь движенья... просто не успеешь...

Оба злодея остановились. Один – слева, другой – справа... Это плохо, что остановились – теперь нужно предугадать их движенье... или специально вызвать его. Впрочем, а зачем вызывать? Ведь предугадать-то не трудно! Тот, что справа, сейчас нагнется за ножом...

Лешка быстро переместился в ту сторону, напружинил ноги...

Ну, давай же!

Оп! Нагнулся...

Алексей подпрыгнул – быстро и неожиданно для обоих врагов... И, приземляясь на спину нагнувшегося за ножом лиходея, от души ударил ногами по ребрам. Здоровяк завыл, покатылся по камням – похоже, он был выведен из строя надолго.

Второй... Лешка не выпускал его из поля зрения, не мог себе такого позволить. Ага, и тот нагнулся... За камнем! Не верит больше в силу собственных мускулов? Ну, что ж... Кидай!

Просвистел над головой брошенный каменюка, уклониться от которого не составило большого труда. Лешка нагнулся, пропуская камень... и, выпрямляясь, прыгнул, ударив врага головой в грудь.

Здоровяк упал на спину, закричал от боли, и вдруг, быстро вскочив на ноги, со всех ног бросился прочь. За ним тут же последовал и второй, и тоже бежал, не оглядываясь, и достаточно быстро.

Убегают? Ну, и пусть их... Совсем незнакомые люди. Впрочем, откуда и быть здесь знакомым? Алексея хорошо знала шпана с Амастридского форума или с площади Быка, а вот в гавань Феодосия старший тавуллярий по долгу службы заглядывал редко, можно сказать, даже почти не заглядывал – участок-то был не его, а Хрисанфа Златоса. Так что, черт с ними, пусть бегут!

– Поднимайтесь! – наклонившись, Лешка помог подняться со страхом глядевшему на него пареньку. – Эти люди хотели только что хотели убить вас.

– Убить? Но... – парень закусил губу. – А вы... вы разве не с ними?

Алексей усмехнулся:

– Если б я был с ними, вас бы давно уже не было.

– Но...

– А ударил я вас для того, чтоб не мельтешили под ногами. Знаете, трудно вести рукопашный бой с подобной обузой!

– Но я... бы, наверное, мог бы помочь...

– Наверное? Вы, вообще, кто?

– Мое имя Евстрат, Евстрат Панос. Я с острова Лемнос.

– С острова? Ну, понятно... Поскорее идемте отсюда, господин Панос, – Алексей бросил по сторонам быстрый настороженный взгляд. – Эти люди могут очень скоро вернуться сюда. И уверен – что не одни.

– Кто вы?

– Потом, все вопросы потом...

Пройдя за складом, Алексей тщательно осмотрел землю. Старая! Никаких новых отвалов не видно. Значит...

– А куда мы идем?

– В гавань... Вот сейчас обойдем склад, выйдем. Там хорошо, людно, – Лешка усмехнулся. – Вам куда надо-то?

– К церкви Хора. В монастырь, – с какой-то гордостью отозвался Евстрат. – Хочу поступить в послушники а потом, Бог даст, принять постриг. Нет, нет, не говорите, что меня не возьмут – у меня есть рекомендательное письмо к брату Георгию, он очень влиятельный человек в монастыре...

– Ну, вот мы и пришли, – Алексей кивнул на многолюдную гавань и вдруг быстро переспросил. – К кому, вы сказали, у вас письмо?

– К брату Георгию. Он очень уважаемый клирик.

– Я знаю...

Лешка невольно улыбнулся, вспоминая приятеля. Брат Георгий, Георгий... Внимательный, обаятельный, умный... Чрезвычайно умный! О, с ним тоже много чего пережито. И плохо, очень плохо то, что уже больше трех месяцев Алексей никак не мог вырваться в монастырь, навестить старого друга.

– Видите те ворота, Евстрат? – старший тавулярий вытянул руку.

Юноша молча кивнул.

– Пойдете к ним, затем, прямо по улице – до большой площади, это форум Быка. Там спросите, как пройти к Амастридскому форуму, любой покажет. На Амастридах свернете налево – а дальше все прямо, никуда не сворачивая, мимо церкви Апостолов, через стену Константина – на а дальше повернете к Влахернской гавани – там уже и увидите монастырь, никак не пропустите. Не пользуйтесь только услугами всякого сброда!

– Вы про этих людей? – Евстрат опустил глаза. – О, кто бы мог подумать? Они были так уважительны, вежливы, а когда узнали, что я хочу принять постриг, так вообще стали сама любезность, предложили проводить до самого монастыря, сказали – доведем самым кратчайшим путем...

– Угу, – недослушав, хмыкнул Алексей. – И довели бы. До того света. Дорогу-то хоть запомнили?

– Конечно, – потирая ушибленную скулу, будущий монах улыбнулся. – Ух, и удар же у вас! А начет дороги... – он прикрыл глаза и бойко протараторил: – От ворот прямо до площади Быка, там спросить Амастридский форум, оттуда налево, мимо церкви Апостолов, через стену Константина, вернуть к Влахернсокой гавани – а там уже и...

– Смотри-ка! – невольно подивился памяти паренька Лешка. – Вам бы в нашем секрете служить, а вы – в монахи! Впрочем, нет ничего хуже, как лезть в чужую жизнь с непрошенными советами. Приятного пути!

– Благодарю... Но вы так и не сказали...

– Передайте поклон брату Георгию... Поклон от Алексея, его старого друга.

– Так вы...

– Прощайте, Евстрат. Удачи! И не ловитесь больше на удочки всяческой швали, уж поверьте мне на слово, в Константиновом граде этого добра предостаточно.

– Не буду. Благодарю вас за все.

– Удачи.

Простившись с островитянином, старший тавуллярий вновь вернулся к так и не решенным сегодня служебным делам, точнее сказать – делу. Вернулся – в буквальном смысле слова подвинув загоравших мальчишек, улегся на нагретом солнцем камне. Скопил лениво глаза:

– Чего не купаетесь?

– Так вода-то еще холодная. Не нагрелась после недавних штормов. Если только к вечеру...

– К вечеру, – так же лениво передразнил Алексей. – И часто вы тут спины греете?

– Да почти каждый день.

– А ремонт этот, – Лешка кивнул на ручей с деловито копошащимися рабочими. – Давно идет?

– Да не очень, – один из мальчишек пожал смуглыми плечами. – Но они быстро делают. И земли вывозят – ух, сколько! Видать, углубляют ручей.

Углубляют ручей... молодой человек устало прикрыл глаза и тут же подумал – а зачем его углублять? Нет, правда – зачем?

Даже вслух произнес эту мысль.

– Ну, наверное, хотят, чтобы лодки прямо в город могли заходить, – тут же предположили мальчишки.

– Лодки? По этой клоаке? Не смешите мои сандалии.

– Ну, а для чего же еще?

– Много земли, говорите, вывозят?

– Очень!

Лешка больше ничего не спрашивал. Можно было уходить – и так уже все стало ясно. Ну, конечно же – ручей. На самом виду... Так где и сохранять тайное, как не на самом виду! Молодцы разбойнички, ловко придумали. Кстати, а эти рабочие, и вообще, та компания, что делает ремонт, они, может статься, и не при делах вовсе. Им сказали – покрыть плиткой и вывезти землю, а очищать дно будут другие, более опытные... Заодно и подкоп выроют. Практически открыто, смотри – не хочу. Да уж, ничего не скажешь, ловко... А вообще, надо бы послать людей в контору этого... гм...

Лешка приподнялся и еще раз прочел имя подрядчика или главы фирмы:

– Алос Навкратос. Вот его и навестить вечером... Или – нет? Не стоит. Можно спугнуть. Вдруг да этот Навкратос как раз и сам при делах? Или – что вернее – кто-то из его служащих. Лучше всего навести об этой компании справки, этак не заметненько, не привлекая внимания...

– Справки? Обязательно наведем, – протокуратор Филимон Гротас кивнул и тут же покривился. – Я же предупреждал, чтобы по гавани сами не болтались!

– А что делать, если агенты такие тупые?

– Так сами же таких и набрали! – грозно нахмурил брови начальник. – Итак, у нас – и у них тоже – остались сутки. Значит, ручей... Что ж, именно там и будем брать лодку!

– А что, если лодок будет несколько? – вполне резонно возразил Панкратий.

Все трое наиболее доверенных сотрудников, как всегда, вечером, собрались в кабинете протокуратора на совещание – выслушивали упреки и высказывали разные мысли.

– Несколько? – Филимон Гротас задумчиво покрутил ус. – Может быть.

– И сначала пустят одну – посмотреть, все ли гладко, – быстро дополнил Иоанн. – А уж за ней – и другие.

Начальник скептически скривился:

– Ну, молодцы, хоть это сообразили... Теперь сообразите, где может находиться главарь. И будет ли он вообще курировать сию операцию?

– Обязательно будет! – без колебаний отозвался Алексей. – Это ж не какое-нибудь там сукно, это ж миллионное дело! Такой куш можно сорвать, что ляг потом на дно, лежи – лет десять ничего больше делать не надо. Ну, не десять, так пять – точно. И, насколько я могу судить со слов Аргипа – главарь шайки не очень-то доверяет своим лиходеям. А потому – обязательно будет присутствовать на месте. Где-нибудь неподалеку... Но, чтоб, ежели что...

– ...обязательно вмешаться! – не удержавшись, закончил Лешкину мысль Иоанн. – Чтобы держать все под контролем, вот что!

Филимон снова хмыкнул и язвительно поинтересовался – а где бы это имеется такое удобное место?

– Ну... – Иоанн поскреб голову. – Да хоть где! Мало ли. Ну, скажем, в лодке... или на берегу, рядом.

– Ну? – усмехнулся начальник. – И как вы это сами себе представляете? Значит, по вашему, главарь банды в течение неопределенного времени должен лично маячить на глазах у матросов, рыбаков, грузчиков и прочего любопытного народа?

– Но, так ведь ночь! Темно!

– Ой, парни... – Филимон вздохнул и посмотрел на своих сотрудников, словно на несмышленишек-малышек. – Темнота в данном случае для разбойников – только помеха. Во-первых, как все загрузить без света? Значит, нужна свеча или факел – а пламя в ночи далеко видать! Во-вторых – лодка ночью в темном море? А рифы? Ну, и в третьих – как главарь может все проследить, коли он будет слеп, как крот?

– Под утро они явятся, – потер руки Лешка. – Точно – под утро.

– Вот-вот, – похвалил начальник. – Вижу, уже начинаете помаленьку соображать. Конечно – под утро. Как и в прошлый раз, кстати.

– А как же стража? Не в самую же рань они отворяют ворота?

– Могут и отворить, ежели хорошо попросить... Для тех же ремонтных возов!

– Значит, вот что, – подкрутив усы, подвел итоги начальник. – Завтра надобно будет распределить наших людей: у склада, на пристани... в гавани Юлиана – вдруг, да уйдут?

– Хорошо б и лодку иметь... И даже не одну.

– Правильно, в лодки тоже посадим!

Медно-золотая луна висела над бухтой так низко, что, казалось, ее можно достать рукой. Вот только чуть привстать, дотронуться, отломить аппетитный, как у чуть подгоревшей лепешки, краюшек, и долго-долго жевать, а потом запить бокалом молодого чуть кисловатого вина...

Лешка сглотнул слюну. Не то, что бы он был очень голоден, просто вот лезло в голову всякое. Опытный прокуратор Филимон Гротас решил выставить засаду еще с вечера, справедливо напомнив, что иногда летом бывают такие лунные ночи, что не уступят и иным зимним дням. Вот и велел всем не к утру собираться, а к вечеру – и, как оказалось, был полностью прав. Вообще-то, луна светила не особенно ярко, бывали и посветлее ночи, но все же, тем не менее, давала вполне достаточно света для того, чтобы повывлезавшие из своих нор бандиты могли спокойно творить свои темные делишки.

Вокруг были тихо, даже ветер не дул... Вот и славно, уж совсем не нужен здесь никакой ветер... Только Алексей так подумал, как внезапно набежавшая волна приподняла лодку и

с неожиданной силой треснула ее о причал, да так, что сидевший на носу Иоанн едва не подлетел в воду.

– Однако! – обернувшись, он покачал головой с видимым осуждением. На кого оно, это осуждение, было направлено – каждый, находящийся сейчас в лодке, сотрудник додумывал сам. Может – на лодку, на море, на ветер, или – на господина протокуратора, который их сюда засунул. Дескать, ежели что, укроетесь от ветерка за причалом. Укрылись, блин... Если следующая волна будет побольше, то...

– Вон они! – ухватившись рукою за борт, взволнованно шепнул Иоанн. – Отходят... Тсс! Слышите, как скрипят уключины?

Алексей ничего такого не слышал, но все же кивнул, и даже осторожно приподнялся, стараясь хоть что-то увидеть. Ага! Вон она!

И впрямь, на гребне волны, освещенная медным светом луны, вдруг показалась приземистая широкая шлюпка – гребной баркас.

– Осторожно – за ней, – немедленно отдал приказ Алексей – он был здесь за старшего.

Оттолкнувшись от причала, гребцы сноровисто погрузили весла в воду. Лодка – ну, это так говорилось, что лодка, на самом-то деле – быстроходный шестивесельный ял – вспенив носом волну, ходко пошла вслед за разбойничьим баркасом.

– Не отставать, – негромко командовал Лешка. – Но и слишком близко не приближаться.

Гребцы – нанятые для дела среди настоящих, портовых, понятиво усмехнулись. Вообще-то они подчинялись сидевшему на корме старшему – рослому мускулистому мужику с густо заросшей черной бородою лицом и недобрым взглядом. Но и он, ворочая широким рулевым веслом, делал все то, что велел старший тавулярий.

– Еще один баркас, – оглянувшись, меланхолично заметил рулевой. – Только что отвалил от берега.

Алексей быстро обернулся – и ничего не заметил, как ни паялил глаза. Оставалось полагаться на чутье моряка – уж оно-то никак не должно было подвести. За тем, только что отвалившим от склада, карбасом должна была последовать вторая дежурная лодка из числа трех, выставленных в засаде Филимоном Гротасом.

Еще человек десять сидело на суше, в кустах, двое – на всякий случай – перекрывали дорогу к воротам, и целый отряд поджидал ничего не подозревающих разбойников в соседней гавани Юлиана. На этот раз не должны были уйти лиходеи – некуда им было деться! Сотрудники секрета эпарха обложили разбойников, словно волков, только вместо красных флажков, вместо кустов и деревьев, блестели отраженным светом луны темные ночные волны.

Позади, у склада вдруг послышался чей-то крик... А затем вспыхнул факел! Видать, кто-то из лиходеев почувствовал что-то неладное и теперь подавал знак своим.

И этот знак, похоже, заметили на обоих баркасах, поскольку те резко усилили скорость, насколько это вообще было в их силах.

– Быстрее!

– Слева по борту маяк, – негромко заметил старшина гребцов.

Лешка поднял голову:

– Вижу!

– Мы можем легко нагнать их, если возьмем ближе к берегу. Я хорошо знаю фарватер.

– Действуйте! – кивнул Алексей и тут же закричал Иоанну. – Что там?

– Уходят... Кажется, они подняли паруса!

– Паруса? Ночью? – рулевой мелко перекрестился. – Безумцы. Они неминуемо разобьются о камни, здесь их полно!

– Плохо, если разобьются, – негромко промолвил Лешка.

И тут закричал Иоанн:

– Там, впереди, я вижу какие-то огни!

– Там не может быть никаких огней, – перекрикивая вдруг поднявшийся ветер, пристал на корме чернобородый старшой. – Там море!

– Но я только что видел... Правда, это могли быть звезды.

– Никуда они не денутся, – чернобородый повернул рулевое весло. – Никуда... Вон – мыс. И они должны сейчас повернуть – мы перережем им путь.

– Хорошо бы, – Алексей чувствовал, как все усиливавшийся ветер треплет его волосы и плащ. – А бури, случайно, сегодня не ожидается?

Рулевой лишь хмыкнул, заявив, что в открытом море такие волны и такой ветер – вполне обычны, и что все это скоро стихнет.

– Когда войдем в гавань Юлина, господин.

– Похоже, баркасы идут в открытое море! – обернувшись, выкрикнул с носа Иоанн. – Что делать? За ними?

Набежавшая сзади волна вдруг хлынула с такой силой, что едва не потопила ял. Лешка даже против воли вдруг почувствовал страх – очень не хорошо было бы сейчас погибнуть, утонув в морской пучине. Наверное, и те, кто на баркасах, испытывали сейчас похожие чувства. Наверное...

И все же – шли в открытое море! Безумцы...

– Мористее нас может захлестнуть волнами, – небрежно напомнил рулевой.

Лешка лишь усмехнулся:

– А как же они?

– Не знаю... Они должны скоро свернуть.

– Пока не сворачивают, – откликнулся Иоанн. – Я хорошо вижу их паруса... Господи!

Голос впередсмотрящего внезапно сник.

– Что?! – Алексей сразу почувствовал неладное. – Что такое?

– Я вижу какую-то громаду... Корабль! Черт побери, корабль!

– Грести изо всех сил! – тут же приказал Лешка. – Мы должны догнать их.

– Мои люди стараются, – кивнул рулевой. – Но вряд ли мы угонимся за парусами, тем более – ветер с берега.

Алексей и сам видел, что гребцы старались. От их полуголых тел даже шел пар, а лопасти весел двигались с постоянством и силой дизельного корабельного двигателя. Словно корабельные винты. Нет, этих людей нельзя было ни в чем упрекнуть – они честно выполняли свою не такую уж и простую работу.

А ветер усиливался, бросал за шиворот соленые брызги, и набегавшие сзади волны все чаще перекачивались через корму. Рулевой что-то буркнул – и двое гребцов, бросив весла, принялись вычерпывать воду, что, впрочем, ничуть не повлияло на скорость – оставшиеся четверо парней старались за шестерых.

Лешка не мог бы сказать, сколько они уже плыли – полчаса, час, два? – но чувствовал – долго. И жалел, что так и не научился плавать, как рыба. Хотя, конечно, сейчас и хороший пловец вряд ли сумел бы добраться до берега.

– Баркас! – радостно закричал Иоанн. – Черт побери, баркас! Клянусь Святой Девой – догнали!

– Оружие к бою! – Лека вытащил из-за пояса меч – короткий, как у городской стражи. Чувство азарта вновь овладело им почти так же, как и тогда, когда лодка спокойно стояла у пирса. Нет, даже сильнее! Вот сейчас, вот... Молодой человек уже не думал о смерти.

– Вон он! – Иоанн резко выкрикнул.

– Табань! – так же резко приказал рулевой.

И лодка, чуть повернувшись правым боком, мягко ткнулась в крутой борт баркаса... Пустого баркаса!

Да, он был пуст! Ни бандитов, ни награбленного – ничего.

– А вон еще один, – вздохнув, показал пальцем напарник. – Держу пари, что пуст.

Мокрые, недовольные, злые, они вернулись обратно в гавань. Филимон Гротас дожидался их, сидя на траве у ручья.

– Корабль?! Ну, конечно! И как же я не смог догадаться? Компания Алоса Навкратоса, кроме строительных работ, занимается и посредническим фрахтом.

– Алос Навкратос... – в голове Алексея вдруг вспыхнула какая-то искра. – Алос Навкратос... Фрахт... Владос! Черт побери, Владос! «Святой Николай»! Это же наш корабль!

– Что ты такое кричишь, Лекса? – начальник сочувственно похлопал Лешку по плечу. – Понимаю – нервы. Сейчас пойдем в присутствие, хлебнем вина с горя – а уж утром пускай с нами делают, что хотят.

Стоявшие рядом с начальником соратники – Панкратий, Иоанн, Аргип – бросали на Алексея сочувственные взгляды. Утомился парень, нервничает. Корабли какие-то поминает, святых, чертей...

– Сколько времени уйдет на то, чтобы использовать в наших целях быстроходный военный корабль? – сплюнув, быстро поинтересовался Лешка. – Я имею в виду все согласования с командующим флотом – комесом – и прочее.

– Если разбудить комеса сейчас... И еще поднять наше начальство, – Филимон Гротас вскинул глаза и спросил уже другим тоном – жестким. – А что – надо?

– Обязательно!

– Тогда к утру корабль будет в нашем распоряжении. Не знаю, правда, какой... А что? Не таи, Лекса!

– Корабль, принявший на борт разбойников и их добычу – «Святой Николай». Это большая и не очень-то поворотливая скафа. Моя невеста Ксанфия, одна из совладельцев судна.

– О как!

– И мы сейчас узнаю, куда оно держит курс!

– Не гони волну, парень! Бандиты вполне могли захватить корабль и плыть на нем, куда захотят – хоть к туркам!

– Захватить корабль? – Лешка расхохотался. – Ты хоть знаешь, любезный дружище Панкратий, какой там экипаж?

– Ну, какой?

– Полторы сотни! Полторы сотни закаленных, привычных ко всему, людей. И ты мне говоришь, что разбойники их захватят? Нет, главарь лиходеев вовсе не так глуп – думаю, в данном случае ему выгоднее всего поступать честно... Ну, относительно честно – прикинуться контрабандистом, честно уплатить фрахт, вернее, часть фрахта, вряд ли бандиты поплывут куда-нибудь уж слишком далеко... Хотя могут, – Алексей шмыгнул носом. – Куда-нибудь в Венецию или Геную. В таком случае мы можем никого не будить – вряд ли это поможет.

– Когда ты сможешь узнать курс? – быстро сообразил начальник.

– Немедленно!

– Тогда не стой же!

Разбуженная посреди ночи Ксанфия поначалу мало что поняла:

– Корабль? Какой корабль? Ах, «Святой Николай»... Что случилось?! Неужели, затонул? Нет? Слава господу, а то я ж было подумала... Владос? А зачем тебе нужен Владос,

да еще ночью? Курс? Так я его тебе и сама скажу – Владос ведь не зря приходил, он оставил мне судовую роспись и портоланы – ну должна же я знать, по каким морям носит мою собственность? Роспись и портоланы там, в кабинете... Э-э! Куда это ты, суженый мой? А поцеловать? Что значит – завтра? Мне что – завести себе молодого любовника?

Лешка не слышал невесты, не до нее – честно, не до нее – было сейчас...

Вот портоланы – подробнейшие карты побережья, правда, без градусной сетки – не умели ее еще тогда наносить. А вот – и судовая роспись... «Константинополь – остров Дракона – остров Лемнос – Фессалоника – остров Эвбея – Мистра...». Ну, в Мистру лиходеи вряд ли сунутся... как и в Фессалоники – зачем им связываться с таможенной и морской стражей? Остаются острова... Эвбея, Лемнос и этот... остров Дракона. Самый, между прочим, первый.

Старший протокуратор сыскного секрета епарха господин Маврикий Эспод спал в эту ночь плохо – все снилось какая-то гадость: черти, летучие огнедышащие драконы, какие-то страшные деревенские ведьмы и сладострастные мальчики с подведенными бровями. Мальчиков как раз старший куратор не жаловал, предпочитал женщин... да и их-то, честно сказать, не очень – верен был собственной дражайшей жене, которая – вон она – рядом. Мощная, с громоподобным басом, настоящая великанша – и не только по сравнению с малорослым мужем.

А как храпит иногда! Вот, как сейчас... Ну, теперь уж точно не уснуть. А что, если? Воровато оглянувшись на супругу, Маврикий неслышно сполз с постели и, маленькими шажками поободрался к резному буфету, открыл...

– Ты чего это шастаешь? – грозно спросила проснувшаяся нехстати жена.

– Дак это... Показалось – будто стучал кто-то.

– Стучал? – супруга желчно усмехнулась. – А не к наливке ли ты решил приложиться, а? К той самой, что тебе нам прислали с Лесбоса. Ах ты ж...

– Да я, да я никогда... – испуганно заканючил подкаблучник Маврикий. – Ну, ласточка моя, котик... Ну, бывает, показалось – стучали. Вот и мальчики всю ночь снились...

– Какие еще мальчики?! – взорвалась жена.

А Маврикий и сам уже не соображал, что и ляпнуть:

– Вот и я думаю – к чему б такой сон?

И тут во дворе застучали. Явно, в ворота! Прямо заколотили да не просто так – с жаром!

– О! – старший протокуратор обрадованно просиял. – Я же говорю – стучали... Эй, Климарос, Климарос...

– Да, господин? – спросил из-за двери старый верный слуга.

– Глянь-ка, кто это там ломится? Да спроси – по какому делу.

– Ага, по делу, как же... – издевательски засмеялась супруга. – Делать кому-то нечего, как только по ночам по важным делам шататься!

Постучав, заглянул в дверь слуга.

– Ну, кто там? Отвечай же!

– Лично господин протокуратор Филимон Гротас, – вальяжно доложил Климарос. – По очень важному делу.

– Ну, я так и знал! – Маврикий победно посмотрел на жену. – Не зря всю ночь мальчики снились.

Командующий феодосийской эскадрой имперского флота, комес Игнатий Варнак, воспользовавшись отъездом жены и дочерей на виллу в Мистру, закатил у себя дома харрошую пьянку! На которую, как и полагается, позвал ближайших по рангу сослуживцев, друзей – из

тех, что могли себе позволить куда-то пропасть на всю ночь – ну и падших женщин, конечно, куда же без них-то?

Вылебав на раз пару бочонков неразбавленного вина – а чего, все ж моряки, а не кто-нибудь! – собравшиеся развеселились и принялись изображать из себя морских чудовищ – а именно, ползать по полу и громко орать, пытаясь попасть деревянными кружками в хотя бы один из глиняных кувшинов, выставленных шеренгой у окна. Бывшие заместо наяд падшие женщины – смешливые молодые девки – при каждом удачном попадании жутко верещали и скидывали с себя какую-нибудь часть одежды. Поскольку народ выпил много, то и попадал редко – и девки откровенно скучали, подумывая уже о том, чтобы и самим принять участие в метании кружек. А то, пожалуй, дождешься тут мужского внимания, как же!

– Вот... – целясь, пьяно улыбнулся комес. – Счас, попаду... Ап!

И попал... Прямо по лбу одной из наяд! Хорошо – метал не во всю силу. А та сама виновата, не надо глазами хлопать. Попроворней надобно быть, попроворней.

– Ах, ну вас совсем, – обиженно надулась наяда. – Интересно, куда у вас господин Афиноген подевался? Вот тот-то меткач был!

– Да уж, – усаживаясь рядом с куртизанкой, охотно подтвердил комес. – Афиноген метко кружки метал... Да и не только кружки. Вообще, он у меня – лучший командир. Вот только томиться сейчас в узилище, бедолага – прошиб в драке башку какому-то штатскому гусю. А драка-то, между прочим, была обоюдная, Афиноген и сам сильно пострадал – штаны порвал и тунику. Все – из дорогой ткани... Эх, хороший корабль «Агамемнон», да нет у него теперь капитана... Все! Завтра пойду выручать Афиногена!

Тут гости вдруг зашлись в бурном восторге: объявившийся на пороге дюжий слуга принес на плече еще один бочонок. Заодно шепнул кое-что на ухо комесу.

– Чего? – переспросил то. – Посланец? От самого старшего прокуратора Маврикия... который моего Афе... моего Афи... Ногена... Не, не прогоняй. Пусть зайдет. Там, внизу ожидает, сейчас спущусь ужо.

Ущипнув девчонку за попу, косеем, пьяно пошатываясь, направился к лестнице. И – странное дело – чем дальше он шел, тем больше трезвел – сказывалась военно-морская выучка. Когда спустился вниз – почти уже и не шатался. Откашлявшись, исподлобья осмотрел посланца:

– Кто таков?

– Тавулярий сыскного секрета Панкратий, господин комес.

– Молодец! Браво докладываешь. Что твоему начальству надобно?

– Там написано, господин комес, – посланец протянул свиток.

– Угу... Корабль, значит, надобен? Корабль, ха! – красное лицо комеса начало было приобретать довольно свирепый вид... тут же погашенный лукавой улыбкой. – Так и быть, сыщу для вас корабль, так и быть! Надо, так надо... В гавани Юлиан стоит «Агамемнон» – быстроходное и надежное судно, думаю, вам как раз подойдет.

– Отлично подойдет, господин комес!

– И капитан там очень надежный, некий Афиноген Скаладос. Отличный малый, и бывалый моряк... Он сейчас в вашем секрете парится за какую-то мелочь. Выпустите его – берите корабль. А приказ Афиногену я сейчас напишу.

Панкратий толчок диву давался – ну, надо же, вроде пьяным пьян был комес – и так здраво рассудил. Вот уж поистине – военно-морская выучка!

Беспутного Афиногена отыскивали быстро. Не прошло и трех часов, как посыльный дромон «Агамемнон», выйдя из гавани Юлиана, вспенил узким носом...

Глава 4

Лето 1443 г. Мраморное море. За «Святым Николаем»

*Носимся мы с кораблем смоленным,
Едва противясь натиску злобных волн.
Алкей «Буря».*

...нежно-палевые воды Мраморного моря.

Дромон «Агамемнон» оказался отличным судном – небольшой, с узким стремительным корпусом, среди военных судов он занимал нишу между юркой галеей и куда более основательными селандром или памфилом. Относясь к классу монер – кораблей с одним рядом весел, «Агамемнон» имел тридцать гребцов – по числу весел – залитую асфальтом палубу на носу и корме, мощный таран и две мачты с косыми латинскими парусами. Собственно, паруса-то сейчас и обеспечивали «Агамемнону» очень приличную скорость.

– Хороший корабль! – стоя на носовой палубе, Алексей ловил лицом брызги – судно заметно качало – недостаток всех монер и вообще – узких судов.

– Да, замечательный, – тоном радушного хозяина отозвался капитан Афиноген Скаладос, личным приказом старшего прокуратора Маврикия недавно выпущенный из узилища секрета ночной стражи, где отсиживался за членовредительство, дебош и драку.

Афиноген выглядел настоящим моряком – коренастый, плечистый, ловкий, с умным волевым лицом, обрамленным широкой тщательно подстриженной бородкой, какую в более поздние времена назвали бы «шкиперской». Для большего удобства он был одет на латинский манер – узкие штаны-чулки и короткая бархатная куртка с наборным поясом и золотой цепью на шее, все – сверкающее, ало-желто-синее, по последней бургундской моде, вот только башмаки были разношенные и мягкие, вовсе без длинных носов, что и понятно – ну-ка, побегай-ка по палубе в модных туфлях!

– Что вы на меня так смотрите, господин тавулярий?

– Старший тавулярий – с вашего позволения.

– Ах, да, да – старший, – капитан похихикал. – Думаете, не латинянин я? Не католик ли? Признайтесь, ведь так думаете?

– Ну... да, – улыбнулся Лешка. – Судя по вашей одежде...

– А вы попробуйте походить по судну в одежде ромейского вельможи – в длинных туниках, в тяжелых парчовых накидках до самой палубы. Жутко неудобно – я вам говорю. А так – я православный, и даже никогда не поддерживал унию, хотя многие говорили, что она и поможет против турок. Что-то не очень помогла – правильно, что ее проклинали на соборе в Иерусалиме.

– Говорят, римский папа объявил против магометан крестовый поход, – перекрикивая поднявшийся ветер, сообщил Алексей. – Правда, это пока не точные сведения – только слухи.

– А? Что?

– Слухи, я говорю!

Старший тавулярий покрутил головой. Наверное, все ж таки капитан Афиноген Скаладос был прав: заключенная четыре года назад во Флоренции уния, подчинявшая православную церковь католической, возложенных на нее надежд византийцев не выполнила – никакой толковой помощи против экспансии турок католики предложить не смогли. И вот совсем недавно уния была предана проклятию на Иерусалимском соборе православной

церкви. Некоторые, кстати, считали – что зря. Сам Лешка к подобным богословско-политическим вопросам вообще-то относился довольно равнодушно, однако, сама по себе идея союза, унии – если отбросить всю религиозно-идеологическую шелуху – несомненно имела одно важное свойство – вполне могла бы объединить всех христиан в борьбе против магометан-турок, все больше напolzавших на южную Европу. Могла бы... Но, вот, похоже, не договорились, вернее – предали проклятию договор. Римский папа и патриарх, католические и православные клирики ну никак не могли решить, кто же из них главнее! Ну, толкались и собачились меж собою, прямо, как дети в игре «хозяин горы». Взрослые люди... Перед лицом самой жуткой опасности!

Кроме Лешки, на боту судна находились солдаты имперской морской пехоты ну и, естественно, экипаж. Никого из сотрудников сыскаго секрета с собой не взяли, что объяснялось не только соперничеством двух ведомств, но и оригинальной конструкцией судна, при всех своих достоинствах, дромон имел один весьма специфический недостаток – его осадка должна была всегда, при любых условиях. Оставаться постоянной, иначе при перегрузе волны запросто могли захлестнуть весельные порты и всю палубу, а при недогрузе сильный ветер просто валил судно.

Филимон Гротас, конечно, и хотел бы послать с Лешкой проверенных людей, но все же вынужден был уступить, настояв на условии, чтобы морские пехотинцы дромона беспрекословно выполняли все приказы старшего тавуллярия. В общем, пришли к соглашению...

Так-то оно так, но с командиром пехотинцев Лешка еще так и не познакомился – тот с самого отплытия так и дрыхнул в небольшой кормовой каюте, скорее даже – просто навесе, задернутом плотной тканью.

Море играло лазурью, прозрачное голубое небо казалось бездонным, дул теплый боковой ветер, развевая над мачтами дромона золотистое парчовое знамя с черным двуглавым орлом. Стоя на абордажном мостике, Алексей до боли в глазах вглядывался вперед – не покажутся, не мелькнут ли хотя бы на миг прямые паруса «Святого Николая». Торговая скафа вовсе не являлась быстроходным судном, и вообще-то, пора бы было ее нагнать.

– Нагоним, – махнув рукой, усмехнулся Афиноген. – Мы просто сейчас идем к острову Дракона кратчайшим курсом, на что при таком ветре вряд ли окажется способен ваш «торговец» – у него ведь нет весел, да и паруса – прямые.

– Так вы думаете, мы будем в гавани раньше, чем «Святой Николай»? – оживился Лешка. – Вот, хорошо бы!

– Каково отставание? – тут же спросил капитан.

– Шесть летних часов... да, пожалуй, примерно так.

– Тогда мы точно придем к острову первыми!

Афиноген оказался прав – уже к вечеру, когда золотистое солнце уже начинало клониться в море, впереди показались черные скалы. Скалы быстро приближались, вот уже можно стало разобрать росшие на них кустарники, а затем – и кромку прибоя, и высокую башню – маяк – и сады, и беленые, с красными черепичными крышами, домики.

Когда подошли ближе, стали видны и многочисленные рыбацьи лодки, и вывешенные для просушки и ремонта сети вдоль всего берега. Алексей возблагодарил Господа – «Святого Николая» – вообще, никакого крупного корабля – ни на рейде, ни у причала не было. «Агамемнон» все-таки пришел первым!

– Капитан, прикажите срочно разбудить командира воинов, – попросил Алексей. – Мне нужно с ним переговорить.

– Да, я пошлю матроса.

– Кстати, кто он по званию?

– Сотник. Хотя воинов, как вы, верно, заметили, сейчас гораздо меньше – мы же взяли с собой излишки припасов.

Обернувшись, Афиноген махнул рукою возившемуся у фок-мачты матросу:

– Срочно разбуди Ореста!

Матрос со всех ног бросился исполнять приказание.

Чтобы не терять времени, Алексей тоже направился на корму по куршее – узкому мостику, идущему вдоль всего корабля, покрытого сплошной палубой лишь на носу и корме. Взгляд его невольно задержался на гребцах, орудующих веслами под ритм кормового барабана и флейты – задающие темп гребли музыканты были полноправными членами экипажа дромона, как, впрочем, и любого другого гребного судна. Надо сказать, что на дромоне – монере с одним рядом гребцов – людей берегли, и зря махать веслами не заставляли. Если был ветер – использовали только его. Объяснялось это отчасти тем, что гребцы часто не были каторжниками, а являлись свободными вольнонаемными людьми, получавшими за свой нелегкий труд деньги, пусть не очень большие, но вполне достаточные для того, чтобы содержать оставшиеся на берегу семьи. Другой причиной сего гуманизма являлся самый циничный расчет – дромон строился по принципу: один человек – одно весло, и, если кто-то из гребцов выходил из строя, это сразу же сказывалось на скорости хода и маневренности судна. Вооруженные длинными плетками подкомиты – помощники начальника гребцов – конечно ж, имелись, и, при нужде, плети в ход пускать не стеснялись – что и было оговорено в договоре при приеме в гребцы. Да, и приковывались вольнонаемные точно так же, как и каторжники – что б не сбежали во время боя. Впрочем, на стоянках их обычно расковывали.

– А! Так это вы меня спрашивали?

Высокий мускулистый мужчина с длинным лошадиным лицом, только что помочившись с кормового мостика в воду, обернулся, подтягивая штаны, и криво ухмыльнулся, глядя на подходившего Лешку с не очень-то и сильно скрытым презрением. Понятно... То – военно-морское ведомство, а это – сыскное...

Алексей вежливо улыбнулся и поздоровался:

– Вы – сотник Орест? Где бы нам поговорить, что не слишком дуло?

– Боитесь простудиться? – серые, глубоко сидящие глаза сотника насмешливо прищурились.

– Нет. Просто, чтобы шум ветра и волн не мешал разговору.

– Ветер и волны никогда не мешают моряку! Хотя, вы ж не моряк... Ну, идемте... Вон, под помост, – Орест кивнул на навесы.

Орест... Лешка усмехнулся. А этому сотнику вполне подходило его имя. Орест – «Гордец». Что ж, придется работать, с тем, кто есть.

Если б Лешка оставался все тем же неискушенным пареньком, подростком из российской провинции, то, конечно, он не смог бы найти с этим много возомнившим о себе воином никаких точек соприкосновения. Да, наверное, и не попытался бы. Но вот теперь... теперь у него все-таки имелся изрядный опыт не слишком маленького должностного лица. Да еще – служащего в весьма специфическом ведомстве-секрете.

Это окрвенное презрение нужно было как можно скорее погасить. А, для начала, становить хоть какой-то контакт, выходящий за рамки официального.

– Уж извините, я человек невоенный, – усаживаясь на скамью, снова улыбнулся Лешка.

– Оно и видно!

– Поэтому всю военную часть операции предоставляю вам.

– Ага! – сотник гневно сверкнул глазами. – Что б, в случае чего, мне и отвечать.

– Помилуйте, господин сотник! – развел руками Алексей. – Я несу личную ответственность за всю операцию.

Орест снова хохотнул. Веселый. И тут же спросил, каким именно наказанием могут подвергаться чиновники, служащие в «сыскарьских ведомствах».

– У нас во флоте, к примеру, проштрафившихся принято сажать в карцер... Или ссы-
лать на совею уж убогие суда, а то и – не дай, Боже – на сушу. Торчать в какой-нибудь Богом
забытой крепости, это, скажу я вам – не сладко! Очень несладко!

– Да уж... – согласился Лешка. – Глушь, пустота, накаленные солнцем стены... Когда
солнце – уж никуда не спрячешься. И так хочется пить... А вода – строго по норме. Знаете,
я сколько раз спрашивал себя – кто их утверждал, эти нормы?

После этой фразы сотник посмотрел на собеседника уже по иному – удивленно-заин-
тересованно. Усмехнулся – а как же без этого? – покачал головой:

– Не себя надо спрашивать, а других. Тех, кто отвечает за все эти выдуманные нормы!

– Думаете, ответят?

Орест лишь хохотнул и поинтересовался, не служил ли Лешка где-нибудь в далеких
местах.

– Ну да, служил, – подтвердил старший тавулярий. – В – как вы сказали – Богом забы-
той крепости.

– А где, если не секрет?

– Не секрет – в Силистрии.

– Так вы были воином?

– Акритом. Служил в пограничной страже. Ну, а потом меня захотели повесить, вслед-
ствие чего сразу же начались интриги, подсиживания... Знаете, маленький гарнизон – та же
деревня.

– А уж о корабле я и не говорю!

Сотник уже посматривал на собеседника если и не с симпатией, то гораздо более бла-
гожелательно, нежели в самом начале беседы. С обсуждения гарнизонной жизни, разговор
перекинулся на армейские порядки, на безмозглое начальство, на турок.

– Вот что я скажу – не знают турки морского дела! – открывая крышку сундука, заявил
Орест.

– Но у них же большой флот! – удивленно парировал Лешка. – Огромный!

– Ну да, огромный, – сотник язвительно засмеялся и вытащил из сундука небольшой
кувшин с узким, заткнутым деревянной пробкой, горлом. – З-з-з-з... з-з-з-з – продолжал он
беседу, одновременно пытаясь вытащить пробку зубами. Наконец, вытащил, и произнес уже
понятно:

– Флор-то у них большой, да, вот только моряки там – ромеи, генуэзцы, франки, мавры
– кого только нет! Выпьем? – сотник достал из-под стола деревянные кружки.

Алексей улыбнулся:

– Охотно.

Похоже, контакт был налажен, и теперь настало самое время приступить непосред-
ственно к составлению плана. Чем и занялись.

Когда они закончили, «Агамемнон» во всей своей красе уже входил в гавань через
узкий пролив, ощерившийся с обеих сторон черными сказами, словно зубами дракона. Тем-
невшие в отдалении горы напоминали увенчанную гребнем спину чудовища, а обрывавши-
еся в воду оползни – драконьи когтистые лапы.

Музыканты на корме быстро сменили ритм, комит что-то скомандовал, повинуюсь
жесту капитана – левый борт, табаня, опустил весла в воду, затем – резко поднял, правый сде-
лал сильный гребок, и судно мягко, по кошачьему, ткнулось в причал левым бортом. Маневр
сей оказался бы вряд ли возможен, будь у дромона не один, а два или больше ряда гребцов,
ну, а так все прошло, как по маслу: с борта судна прямо через отделение для гребцов тут
же перекинули трап, и капитан, картинно облокотившись на веревочные перила, снисходи-

тельно наблюдал, как, прижимая к бокам ножны, поспешает к кораблю не очень-то расторопная береговая стража.

А в воротах симпатичного двухэтажного особнячка, расположенного прямо напротив причала, стоял, приветственно помахивая широкополой – от солнца – шляпой, некий толстячок, как с ухмылкой пояснил капитан – хозяин местной корчмы. Ну, ясно, чему радуется – предвкушал неплохой навар.

Рядом с кабатчика появилась какая-то женщина в алой юбке – старая или молодая, красивая или не очень – рассмотреть с корабля было нельзя, оставалось только спросить.

– Это Пелагея, дочка кабатчика, – охотно пояснил Афиноген и громко расхохотался. – Смотрите, господин старший тавулярий, не попадите в ее сети!

– А что такое?

– Пелагея – себе на уме девушка, – как-то не очень понятно отозвался капитан.

Официальной версией появления в гавани «Агамемнона» была его патрульная служба. Якобы, дромон заглянул на остров Дракона ненадолго – пополнить запасы пресной воды и вина – и уже через день-два должен был следовать обратно в столицу. Из этого никто из экипажа не собирался делать тайны – по настоятельной просьбе старшего тавулярия.

«Святой Николай» к вечеру не пришел! Алексей нервничал, ходил по причалу взад и вперед, время от времени пристально вглядываясь в синюю ширь моря. Неужели, настолько обогнали? Или на скафе вообще решили не заходить на остров Дракона? Нет, там экипаж вышколенный и, по словам Ксанфии, капитан – педант. Раз написано в судовом листе, значит, обязательно должны зайти.

– «Святой Николай»? Обязательно зайдет, – обнадежил Лешку начальник местной береговой стражи – самого мирного вида старичок в выцветшем от солнца плаще. – Он должен привезти нам зерно и всякого рода товары, те, что жители деревни заказывали в прошлый заход. Нет, уж «Святой Николай» нас не забудет – его здесь многие ждут.

Несколько успокоенный, Алексей подался в корчму, где уже веселилась отпущенная на берег часть команды.

– Выпьете вина, господин? – неслышно подошла к столу девушка в алой юбке. – Наше, местное, вино ничуть не хуже Родосского.

– Охотно испробую.

Девушка – капитан сказал, ее зовут Пелагея – направилась на кухню, изящно покачивая бедрами. Довольно молода – лет двадцати, вряд ли больше – с красивым точеным лицом древней языческой статуи, волосы темные, вьющиеся, под белой полотняной рубашкой – точнее, под накинутой поверх рубашки бархатной черной жилеткой – угадывалась упругая грудь.

Лешка украдкой наблюдал за девчонкой, впрочем, и не он один – на нее пялились почти все – а как же не посмотреть на такую красотку? Правда, вели себя осторожно – не щипали, не хлопали по соблазнительной попке, не говорили особых скабрзностей. Это моряки-то в портовой таверне! Да и капитан предупреждал... Интересно, что же с этой красоткой не так?

Вопрос сей, впрочем, разрешился довольно быстро – не успел Алексей выпить и половину кружки, как в таверну вошел, вернее – ввалился, огромного роста мужичага с обветренным смуглым лицом и диким взглядом. Усач, с длинными иссиня-черными кудрями, но головой почти касался крыши. А руки, что у него были за руки? Настоящие оглобли, да и мускулы – камни. Силач, ничего не скажешь!

Не снимая с головы бараньей шапки, верзила ухватил пробежавшую мимо Пелагею, поднял на руки, закружил.

– Поставь! Поставь меня на место сейчас же! – запротестовал та.

Силач осклабился:

– Вот прежде поцелуй! Тогда поставлю.

– Целовать тебя? – девушка безуспешно пыталась вырваться. – Этакое чудовище! Ну, пусти же, Парас!

Парняга, не дожидаясь уже согласия, сам впился девчонке в губы, и та принялась бить его руками по голове, даже сбила шапку. Парас только смеялся...

Наконец, уgomонившись, он поставил Пелагею на пол, подбоченился:

– Скоро подарю тебе столичных гостинцев!

Девушка лишь усмехнулась:

– Что ж, подари.

Казалось, ее ничуть не смутила только что произошедшая сцена, скорее даже наоборот, вызвала даже некоторую гордость или, лучше сказать, горделивость, вот мол, смотрите все: самое страшное на острове чудовище – мое!

– Привет, Парас! – почтительно поздоровался с парнягой кто-то из корабельщиков. – Как твой карбас – еще не потонул?

– А с чего ему тонуть? – верзила, наконец, соизволил заметить присутствующих. – Мой карбас будет понадежнее многих! – он повернулся к кухне. – Эй, Пелагея! Спроворь-ка мне стаканчик вина!

– Ты и за прошлые стаканчики еще не заплатил!

– Заплачу! В самые ближайшие дни заплачу, клянусь Пресвятой девой! – истово заботился Парас.

– Ишь! – Пелагея все ж таки сжалилась, принесла стаканчик. – С чего это ты собираешься разбогатеть?

– Да так... – парняга вдруг потерял всю свою бравладу. – Будет одна оказия... Ну, твою здоровьице, Пелагея!

– Ха, здоровьице! Лучше б и впрямь что-нибудь подарил!

– Подарю! Богом клянусь, подарю. Может быть, уже завтра.

Залпом опрокинув стакан, Парас поднял с пола шапку и, нахлобучив е на голову, ушел, ни с кем не прощаясь.

– Во – тип! – подсел к Лешке Афиноген. – Видали?

– Да уж, – согласился молодой человек. – Жаль только девушку – больно уж звероватый у нее поклонник. Прямо даже сказать – опасный.

– Верно вы заметили – опасный, – усмехнулся капитан «Агаменона». – Только опасен он не для девушки... а для того, на кого она положит глаз!

– Как? – вполне искренне изумился Лешка. – Она еще и...

– Вот именно, – Афиноген покачал головой. – Вот именно. Не забывайте мое предупреждение... впрочем, думаю, мы тут недолго пробудем, «Святой Николай» уж всяко прибудет завтра с утра.

– Дай-то Бог, – улыбнулся старший тавулярий. – Дай-то Бог.

Допив кружку, он вышел на улицу – не выносил уже сгущавшейся в таверне духоты. Кругом открывался претмилый вид: аккуратные домики, луга, сады, синие горы. И палевая гладь моря с нежно-золотистой дорожкой клонящегося к закату солнца.

Значит, завтра утром в гавань зайдет «Святой Николай». Что делать – уже решено, обговорено и с Орестом, и с капитаном. Сразу, едва скафа подойдет и опустит трап, на борт поднимется представитель владельцев судна – Алексей Пафлагон в сопровождении охраны. Поднимется – для инспектирования судна, в чем ничего необычного усмотреть было нельзя, так иногда поступали многие судовладельцы. Подняться на борт, ну, а уж дальше – дело техники. Укрыться на корабле – даже на таком большом, как «Святой Николай» – дело безнадежное: все пассажиры и их груз при посадке тщательно заносятся в корабельный журнал, копия которого имеется в Феодосийской гавани. Попробуй тут, скройся. Уж конечно, хорошо

бы взять разбойников, что называется, без шума и пыли, лучше всего при разгрузке, но уж тут – как получится, в конце концов, утешало одно – лиходеям совершенно не куда деться! Ну, разве что броситься вплавать.

Немного постояв у корчмы, Алексей поднялся чуть выше, в горы, что начинались почти сразу же за деревней. Ухватившись за кривой ствол какого-то дерева, он до боли в глазах вглядывался в море, над которым уже виднелись кое-где бледно-серебристые предвечерние звездочки. Вот, кажется... Ну, точно – паруса! «Святитель Николай»? А кто же еще-то?

– Господин любит смотреть на море? – с негромким смехом спросили снизу, с тропы, где Лешка давно уже слышал чьи-то шаги. А сейчас вот мелькнула за деревьями алая юбка.

Пелагея! И что она тут делает? Встречается со своим ревнивым возлюбленным?

– Хотите, покажу вам более удобное место?

Ах, ну и глаза у нее! Небесно-синие, с такими желтоватыми чертиками. А уж лукавства во взгляде – не занимать!

– Ну, что же вы стоите? – в голосе девушки послышались требовательные нотки. – Идемте же, пока я не передумала показать вам наши красоты. Впрочем, наверное, они вас мало интересуют.

– Почти совсем не интересуют, – с улыбкой признался Лешка. – Вообще-то я высматриваю корабль.

– Корабль?! Я тоже бы хотела его увидеть... Идемте же, посмотрим вместе.

Не дожидаясь ответа, Пелагея повернулась и быстро пошла вверх по узкой, обросшей по сторонам ореховыми кустами, тропе. Алая юбка, черная бархатная жилетка поверх белой рубахи. Великолепные, вьющиеся волосы, падающие до середины спины. Узкий кумачовый пояс, самый простой, дешевенький, подчеркивал тонкую талию девушки. Ну и пояс... Лешка непроизвольно усмехнулся: в столице такой только служанки носят. Неужели этот чурбан Парос не в состоянии сделать любимой подарок? А. ведь обещал, между прочим – прилюдно, в корчме. А она ведь вовсе не бедная, эта немного странная – да-да, странная – девушка – ведь ее отец владеет корчмой. Впрочем, не такой уж и приличный доход она приносит – в этой-то дыре!

– Вот, давайте сюда! – остановившись, девушка оглянулась, жестом показав влево – туда, где на крутом слоне горы образовалась каменистая, кое-где покрытая травой и кустами, терраса, к слову сказать, довольно широкая, так, что при нужде, здесь, наверное, могла проехать повозка, а то и две к ряду.

А какой изумительный вид открывался вокруг! Палево-золотое море с красным закатным отливом, оливковая рощица, покрытый желтыми цветами луг, красно-белые домики внизу. Корчма. И, прямо напротив, в окружении рыбацких челнов – стремительное тело «Агамемнона». Лешка, наверное, только сейчас и заметил – какой это красивый корабль. Невольно полюбовавшись плавными изгибами хищного корпуса, отвел взгляд... Ну, точно паруса! Или, все же показалось?

– Нет, вам не показалось, господин, – встав рядом, прищурилась Пелагея. – Это точно корабль и я точно знаю, какой.

Лешка хмыкнул:

– Интересно, какой же?

– «Святой Николай»? О, его невозможно спутать...

– «Святой Николай»? – старший тавулярий с трудом подавил поднимающуюся в душе бурную радость. – Сколько ему еще плыть?

– Встанет у причала утром... Не самым, конечно, ранним. Ой... – девушка вдруг нагнулась над самым обрывом. – Какой прекрасный цветок, видите?!

– Где? – Алексей подошел ближе, инстинктивно отворачиваясь – высоты он боялся с детства.

– Да вот же, вот!

Как назывался цветок, Лешка не знал, как-то никогда не интересовался ботаникой, понимал только, что не одуванчик и не роза, но видел – что очень и очень красивый. Большие, темно-фиолетовые лепестки, ближе к середине бутона приобретали нежный небесно-голубой оттенок, а в самой середине, где пестики, словно бы горел желтый тигриный глаз!

– Давно мечтала поставить такой в вазу, – негромко произнесла Пелагея. И обернулась, и посмотрела, обдала таким взглядом, таки-и-им...

– Вы не можете мне его достать?

Достать...

– Просто наклонитесь, и я подеру вас за ноги... Нет! Лучше вы – меня, – девушка лукаво улыбнулась. – Я вот вдруг подумала, что вовсе не стоит доверять мужчинам столь деликатные вещи. Это же красота, понимаете!

– Понимаю, – Лешка сглотнул слюну.

– Так подержите?

– Ага...

Проворно опустившись на колени, Пелагея растянулась на траве, свесившись вниз, заскользила – и бросившийся рядом Лешка едва успел ухватить ее за бедра... Восхитительно стройные, упругие... Такая же, должно быть, и грудь!

– Я его сорвала! – донеслось снизу. – Теперь вытаскивайте меня... Ну же!

Совладав с собой, молодой человек резво вытащил девушку. Хотя и пытался не спешить, а все равно получилось быстро – так и в самом-то деле, не висеть же вниз головами обоим?

– Спасибо, – восторженно рассматривая только что сорванный цветок, поблагодарила девушка. – Ах, как я испугалась, особенно – в последний момент. Слышите, как бьется мое сердце? Вот, приложите ухо...

Лешка послушно приложился к девичьей груди, ощутив быстро покрасневшей щекой соблазнительную упругость под бархатным теплом жилетки. Пелагея тяжело задышала:

– Как вас зовут?

– Алексей.

– А меня – Пелагея.

– Знаю. Ваш отец держит корчму.

– Да... Вы к нам надолго?

– Нет.

– Жаль. Вы очень красивый.

Алексей помотал головой:

– Мужчине ни к чему красота. Красота – привилегия женщин... таких, как вы!

Пелагея медленно обняла его за плечи, прошептала:

– Мы могли бы хорошо провести время сегодняшней ночью...

Вот-вот! Вот о чем предупреждал капитан «Агамемнона»! Эх, если б не дело! Нельзя рисковать, нельзя – ведь, кто знает, не получится ли из-за мимолетной связи какое-нибудь нехорошее осложнение с местными жителями? С тем же Паросом, он, кажется, тот еще ревнивец...

– Думаю, что ночью я буду сильно занят, – выдавил из себя Алексей.

– Занят? Ну что ж, – Пелагея порывисто вскочила на ноги. – Вы, верно, испугались Пароса? Так его сегодня в деревне не будет... прочем, для вас это уже все равно, трусливый господин из столицы!

– Стойте! Да постойте же!

Лешка сорвался с места и в три прыжка догнал девушку, ухватил за талию, обнял... И крепко поцеловал в губы...

Пелагея и не думала сопротивляться, наоборот, поддалась с таким пылом, что... В общем, следовало признать, что у бедолаги Пароса имелись все основания для ревности. Целуя. Лешка чувствовал, как решительные девичьи руки ловко расстегивают тунику, да и сам быстро справился с завязками жилета, рубахи... Лишь когда рука его нащупала в наступившей тьме твердую выпуклость на горячей упругой груди, лишь тогда, девушка, застонав, закусил губы.

– Нет, – прошептала она. – Не здесь. Могут увидеть.

– А, может, все-таки – здесь? – Лешка не убрал руку с девичьей груди. – Только не сегодня, завтра... Ближе к полудню.

– Завтра ближе к полудню... – шепотом повторила девчонка. Потом задумалась, снова что-то зашептала... – А ведь и правда! Завтра в горах никого уж точно не будет! Все выйдут встречать «Святой Николай»... Вот только Парос... Впрочем, к вечеру его не будет...

Алексей не провожал ее, на том настояла сама Пелагея – в горах, несмотря на наступающую темноту, было довольнолюдно. То и дело с разных сторон слышались чьи-то голоса, смех, овечье блеяние: это возвращались домой пастухи с горных пастбищ, сборщики птичьих яиц и ягод.

«Святой Николай» вошел в гавань ближе к полудню, когда над островом Дракона вовсю светило яркое летнее солнце. С рифлеными парусами на четырех мачтах, огромное судно вальяжно продвигалось к причалу. Хорошо было видно, как лазали по вантам матросы, как на палубе, на носовой и кормовой надстройках собралась нарядно одетая толпа. Паруса лучились белизной, блестела надраенная палуба, на кормовой мачте висел сине-золотой стяг с изображением Святителя Николая.

А к причалу уже в нетерпении подходили люди. Все, абсолютно все жители деревни – никто не пошел сегодня в море, никто не отправился на охоту или не занялся иным каким промыслом, все вышли встречать корабль. Ах, как нарядно были одеты все эти люди, видно, они долго готовились к этой встрече, поистине, долгожданной. Шли, как на праздник, целыми семьями, впрочем, подростки и молодежь собирались отдельными стайками, восторженно глаза на судно.

Вся эта суета вдруг напомнила Лешке прошлое: вот точно так же в деревне Касимовке, где он подрабатывал на машинном дворе, встречали рейсовый автобус из райцентра, ходивший два раза в неделю. Кто-то приезжал, кто-то собирался уехать, все обменивались новостями, встречали знакомых, друзей, родственников, тут же рассматривали и хвалились городскими гостинцами.

Вот точно так же и здесь. Только встречали не автобус, а огромный – даже по российским меркам – корабль. Который привозил все! И всех!

Было похоже, словно бы сюда, в эту забытую богом деревушку, по мановению волшебной палочки переместился вдруг кусок огромного и шумного города!

Прямо на палубе «Святого Николая» были открыты лавки, разбиты торговые ряды, поджидавшие покупателей, для которых был спущен широкий парадный трап, украшенный алыми лентами, и сам капитан в шитом золотом плаще цвета летнего неба радушно встречал посетителей, предоставив для грузовых надобностей спущенные с носовой части палубы сходни.

Это нетерпение, эта сумасшедшая праздничная радость как-то незаметно передалась вдруг и Лешке, и он тоже чувствовал в душе ликование. Правда, несколько по иному поводу, нежели все остальные.

– Поднимаемся, – обернувшись, Лешка кивнул Оресту. – Пусть твои люди встанут и у грузового трапа.

– Сделаем, – серьезно заверил сотник. – Не беспокойся, Алексей, ни одна мышь не проскочит!

Подходя к трапу, там же, в толпе, Лешка увидел Пелагею. Заметив его, девушка улыбнулась и украдкой подмигнула, явно напоминая на обещанную в горах встречу. Молодой человек вздохнул – хорошо бы, конечно, все срослось, поучилось... Тогда бы, может, и можно было бы улучшить момент... Впрочем, а почему б и не улучшить? Почему бы и не срастись всему? Получится, обязательно получится – ведь к этому все и шло.

Пелагея была все в том же наряде, лишь на шее сияли карминно-красные коралловые бусы, да поясок был другой, несравненно более праздничный – ярко-зеленого шелка, с золотой вышивкой в виде вздыбивших хвост кошек. Странно, но Пелагея, похоже, не очень-то и рвалась на корабль – больше смотрела, болтала, смеялась. Рядом, ухмыляясь, с гордостью вышагивал Парос.

Проводив девушку взглядом, Алексей напустил на себя официально-важный вид и в сопровождении воинов подошел к капитану.

– Старший тавулярий Алексей Пафлагон.

– А. военные, – понятиво кивнул капитан. – Желаете выборочно проверить груз?

– И судовую книгу.

– Судовую книгу?

– Вот, – Лешка вытащил из поясной сумы грамоту. – Половина этого корабля принадлежит моей невесте – госпоже Ксанфии Калле.

– Госпожа Калла – ваша невеста? – капитан сразу же сделался сама любезность. – Что изволите посмотреть, господин Пафлагон?

– Списки пассажиров... В первую очередь тех, что должны сейчас сойти здесь, на острове.

– Пожалуйста, прошу в мою каюту.

Ага! Едва взглянув в судовую книгу, Алексей понял, что попал на след. Ну, вот оно – «два воза керамики и деревянной посуды, три мешка скобяного товара – зафрахтовано до острова Дракона компанией г-на Алоса Навкратоса». А дальше шел список из двенадцати человек.

– Ну? – старший тавулярий азартно потер руки. – И где сейчас все эти люди? Небось, готовятся к выгрузке багажа?

– Про кого вы говорите? – капитан пробежал глазами список и покачал головой. – Нет, господин, не готовятся.

– Как – не готовятся?

– А так. Они уже вышли...

Глава 5

Лето 1443 г. Мраморное море. Остров Дракона

*Надевай же платье ало
И не тщишь всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.*
Анакреонт.

...раньше.

Вышли раньше?

Лешке показалось, что он ослышался. Как – раньше? Да и где там можно было сойти, что, «Святой Николай» заходил куда-то еще? К туркам, что ли?

– Да нет, не к туркам, – засмеялся капитан. – Просто на подходе к острову их встретил баркас. Видать, договаривались – так многие делают, кому не нужно в деревню. Остров-то не такой уж и маленький.

– И что, тут еще есть какие-то деревни?

– Деревень нет. Есть несколько усадеб. Плохонькие такие усадьбы, убогие, сказать прямо.

– Усадьбы... – Алексей немного подумал. – А кто правил баркасом?

– А черт его... Наверное, кто-нибудь с дальней усадьбы, кто – не разглядел, темновато было, да и баркасник – в плаще с капюшоном.

– Ну, может, хоть вахтенные его разглядели? Они же знакомы с местными... Неужели, не узнали?

Капитан задумчиво покачал головой:

– Вряд ли. У меня полкоманды – новички, меньше года. Сейчас они как раз вахту и несут – привыкают. Впрочем, если хотите, можем их позвать.

Матросы ничего существенного не сказали. Действительно, новички. Баркасника, конечно же, как следует, не разглядели, да особо и не пялились – чего в нем интересного-то? Тем более, что люди из компании Алоса Навкратоса перегрузили весь свой товар сами, и, надо заметить – сноровисто и быстро. А, перегрузив, тут же отчалили. Куда? Вот вопрос, который нужно было срочно решать.

Попросив у капитана портолан, Алексей тщательно рассмотрел остров, прикидывая, куда можно добраться на баркасе... Да хоть куда – выходило так! Тем более, не ясно было, сколько времени они плыли... может, и сейчас все еще плывут?

Нужно искать, искать, проверить все усадьбы... Не так уж они и далеко, если прямо-ком, через горы. Впрочем, можно и по морю, на корабле.

Простившись с капитаном, погруженный в свои не очень-то веселые думы, старший тавуллярий медленно сошел на причал. Вдруг пришла мысль, что бандиты выбрали Остров Дракона не просто так, вероятно, здесь у них кто-то был, какой-то верный, свой человек... или свои люди. Этот человек их и встречал, точно зная маршрут прибывающего судна. И – не только маршрут, но и примерное время. А что это значит? А то и значит, что человек этот был извещен заранее! Каким именно образом? Телеграфа с интернетом нет, мобильных тоже. Значит – корабль! Определенно – корабль. На худой конец – рыбацкий челн, способный добраться из Константинополя к острову. Не так тут долго и плыть. А еще может быть, что весточку послали втемную – просто передали по кому-нибудь письмо.

Почесав голову, Алексей, не глядя на веселящихся людей, быстро зашагал в корчму, пока еще практически безлюдную – на «Святом Николае» сейчас было куда интереснее и веселее.

Отец Пелагеи, толстый и жизнерадостный кабатчик по имени Эраст, при появлении посетителя оживился и самолично поднес Лешке стаканчик терпкого местного вина, про которое говорили, что оно ничуть не хуже Родосского. Молодой человек выпил... Да, определенно – не хуже.

– Сколько с меня?

– За счет заведения, – широко улыбнулся хозяин корчмы. – Вы у меня сегодня – первый. Все на корабле... Ничего, скоро пойдут обратно...

Лешка попросил еще стаканчик, кабатчик с улыбкой принес, налил и себя, присел рядом. Совсем хорошо – вот и пошла беседа...

Корабль? Нет, «Святой Николай» первый. Рыбаки? А что им делать в столице? Улов они здесь продают, перекупщику... Пойдите-ка! Так ведь он здесь и был. Ну, да, третьего дня как раз и швартовалась его шебека.

Вот как! Перекупщик!

Чего же разбойники не использовали для вывозки награбленного добра его судно? Да мало ли чего! Причин тому может быть множество: не успели, не хотели зря подставлять своего человека, да и вообще – может быть, этот самый перекупщик и вовсе не их человек? Просто попросили передать записку... Даже не записку – просто передать на словах некоему рыбачку, чтоб встречал «Святой Николай» на баркасе – там-то, сям-то и тогда-то. Могло такое быть? Вполне. Да, наверное, все так и было. И, тем не менее, перекупщика надо бы по возвращении проверить, обязательно проверить, незаметненько так понаблюдать – не связан ли, не замазан ли, не вхож ли?

Ладно, с перекупщиком потом. Главное сейчас – усадьбы! Уже то хорошо, что подтвердилась версия – именно на «Святом Николае» бандиты увезли награбленное, и – именно на остров Дракона. Оставался, правда, ма-а-аленький червячок сомнения – а что, если эти липовые представители Алоса Навкратоса на само деле – вовсе не липовые, а совершенно честные посторонние люди? Нет, не может быть! Уж слишком много совпадений, а когда их много, это уже никакие не совпадения – это правило.

– Усадьбы? – переспросил Эраст. – Да, есть тут, на острове несколько. Пасут скот, хлеб сеют, оливы выращивают. А вам что до них? Добраться? Не, добраться до них только по морю... Прямоком, через горы? Ой, я бы не рисковал... Да, может, кто и знает тропинки... Какие-нибудь пастухи. Ха! Да вот хоть тот же Парос – он много где шастает.

Алексей допил вино.

Парос! Опять этот Парос.

Как бы только его расспросить? Или просто взять и нанять в проводники. А что, идея неплохая!

Вернувшись к причалу, Алексей поискал глазами Пароса – уж такого видного парнягу нельзя было не заметить даже в праздничной веселой толпе... А вот, не было! Невеста – или кто там она ему. Скорее всего – никто – была, а самого парня – нет. Но, ведь, он только что тут крутился! Спросить у Пелагеи? А и спросить!

Поймав взгляд девушки, Лешка мотнул головой, увидев, как красивое лицо Пелагеи на миг озарилось лукавой улыбкой. Отстав от подруг, девушка нарочито медленно пошла по причалу, обогнула корчму, остановилась, оглядываясь... Убедившись, что молодой человек идет за ней, как привязанный, прибавила шагу... И остановилась лишь за деревней, в заросших густыми кустами предгорьях. Подбежавший Лешка едва не налетел на нее, тяжело дыша, остановился...

– Ну, наконец-то! – обняв парня за шею, Пелагея принялась целовать его в щеки и губы, и Лешка чувствовал, что быстро поддается столь яростному напору, поддается с большой охотой и почти с такой же яростью.

Сняв с девчонки жилетку, он зубами развязал завязки рубашки и, обнажив грудь, принялся ласкать языком быстро ставший твердым сосок Пелагея застонала:

– О, не здесь, не здесь... Бежим туда, к лугу.

Луг, заросший мягкой зеленой травой и ярким желто-розово-голубыми цветами был великолепен. Ласково светило солнце, и синее небо казалось звенящим хрустальным куполом, как оно и было по канонам священных книг.

– Как славно!

Обернувшись, Пелагея, смеясь, повалилась в траву, и Лешка последовал за нею – как в омут. Упал – о, как сладковато-пряно пахнуло цветами! – погладил девушку по щеки, осторожно снимая одежду.

Вот ярким большим цветком расцвела в траве сброшенная алая юбка... Туда же последовал и красивый шелковый пояс, и коралловое ожерелье, и рубаха...

И, крепко прижав любовника, Пелагея приняла его в свое лоно...

А потом они валялись в траве, счастливые и довольные всем: и тем, что только что между ними произошло, и тем, что еще произойдет – и, быть может, не раз – и этим прекраснейшим лугом, пряным запахом трав, цветами, бездонно синим небом. Всем!

Ни о каком Паросе, естественно, спрашивать не хотелось. Но надо было.

– Какое красивое ожерелье! – протянув руку, Лешка поднял из травы бусы и попросил:

– Надень. И пояс.

Карминно-красные бусы еще больше подчеркивали приятную смуглявость нежной девичьей кожи, а пояс, повязанный чуть ниже пупка скрывал... нет, совсем ничего не скрывал, а тоже – подчеркивал.

Встав, Пелагея потянулась – хищно и грациозно, словно пантера:

– Представь, если б это был мой повседневный наряд!

– Тогда б вся деревня точно сошла с ума! – засмеялся молодой человек.

Порыв теплого ветра играл темно-русыми волосами девушки.

– Какие красивые цветы! – посмотрев вокруг, она с улыбкою повернулась, нагнулась, лукаво стрельнув глазами. – Ты похвалил ожерелье...

А пояс? Подойди, рассмотри поближе...

Ага, пояс ей нужен, как же...

Лешка подошел сзади, медленно провел пальцем по спине Пелагеи и, не сдерживая себя, схватил обеими руками за талию...

Девушка только охнула...

А потом – и закричала, радостно и довольно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.